

Генри Олди
Тирмен

«Автор»

«Автор»

2004-2006

Олди Г. Л.

Тирмен / Г. Л. Олди — «Автор», «Автор», 2004-2006

До конца XX века оставалось меньше шести лет, когда они встретились в парковом тире. Мальчишка-школьник бежал от преследований шпаны, старик-тирщик ожидал прихода «хомячков» местного авторитета. Кто они, эти двое, – торговцы расстрельными услугами, стрелки без промаха и упрека? Опоры великого царства, знающие, что не все на этом свете исчислено, взвешено и разделено?! Они – тирмены. Рыцари Великой Дамы. Но об этом не стоит говорить вслух, иначе люстра в кафе может рухнуть прямо на ваш столик. Время действия романа охватывает период с 1922 по 2008 год. Помимо большого современного города, где живут главные герои, события разворачиваются от Петрограда до Памира, от Рудных гор в Чехии до Иосафатовой долины в Израиле, от убийственной виртуальности бункера на «минус втором» до мистического леса Великой Дамы на «плюс первом».

© Олди Г. Л., 2004-2006

© Автор, 2004-2006

© Автор, 2004-2006

Содержание

Пролог	7
I	8
Мишень первая	10
Год Зеленой собаки	10
1	10
2	18
3	24
4	29
5	37
6	40
7	43
II	47
Мишень вторая	49
Год Красной крысы	49
1	49
2	54
3	58
4	61
5	65
6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов Тирмен

*И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин.
Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил
конец ему. Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; перес –
разделено царство твое...
Книга пророка Даниила*

*В тире, с яркой подсветкой,
С облаками, как дым,
Мы с винтовочкой меткой
Два часа простоим.
Вот я выстрелю в гуся,
Что из тучки возник,
Посмотри, моя дуся,
Он головкой поник.
Вот я лань обнаружу,
Вот я в башню пальну,
Все расстрою, разрушу
И отправлю ко дну.
Что там, шляпа с полями?
Или пень? – Не видать.
Тиричик в белой панаме
Все настроит опять.
Его птички бессмертны,
Пароходы прочны
И бессменны концерты,
Вроде вечной весны.
Ты любишься парком?
Я же здесь постою
В размалеванном, ярком,
Самодельном раю.
Александр Кушнер*

Пролог

Иногда легче спуститься в ров с голодными львами, чем зайти во двор больницы.

Он, как обычно, без помех чуял сектор: давящий, тесный, метров пятьдесят в обе стороны – от левого крыла здания, где располагалось отделение нейрореанимации, до правого, административного. Кроме этого, стрельбище захватывало еще двор с разноцветными скамейками, урнами и неопрятными, буйно цветущими кустами. На крайней скамейке он и устроился.

Тополиный пух сбивался у ступенек в лохматые сугробы.

Впрочем, чувство сектора сегодня не имело значения. Он точно знал: кто и где. Последний фактор – когда – он выбрал сам. После первой неудачной попытки это было несложно. «Сделаешь – гуляй, – сказал Петр Леонидович, трудно двигая непослушным ртом. – Месяц отпуска получишь. А может, и все полтора».

Во многом знании – многие печали. Очень верно подмечено. Знать место, знать время, знать имя...

Пиво, газету или книжку он брать не стал. Обойдемся без прикрытий. Все равно никто не обратит внимания. Врачи, больные, шоферы «скорой», посетители с апельсинами и домашним бульоном... Никому нет дела до хорошо одетого молодого человека, который сидит на скамейке, зажмурив левый глаз. Тут у многих если не глаз зажмурен, так щека обвисла. А если и обратят... Какая разница? Месяц отпуска, значит. Приводить в порядок нервы, снимать стресс коньяком; окунуться в заботы о жене, которой до срока осталось меньше месяца. Потом у них родится ребенок, сын или дочь, начнутся бессонные ночи, жгучие угли покроются горячим пеплом, пепел станет остывшей золой, дунет ветер, все пройдет, забудется, канет в небытие...

Между «сейчас» и «потом» – ров с голодными львами.

Правда, тезка?

Тезка, который пророк, не ответил.

Он представил, как расфокусированный оптический прицел вслепую шарит по местности. Стрелок возится с капризной оптикой, изображение мало-помалу обретает резкость – и вот наконец крест накрывает нужную точку.

Цель.

«...И широта, и долгота сойдутся в точке одной», – вспомнились слова из песни Бориса Смоляка. На его концерте, в крошечном зале академии дизайнера, они с женой (тогда еще, кстати, не женой) впервые побывали четыре года назад. Купили диск – «самопал», без фабричной полиграфии, с черно-белым вкладышем, отпечатанным на принтере. Концерт «торкнул» все-рез, диск они заслушали едва ли не до дыр – пришлось копию делать. Но эта песня, «Амундсен», – особенная. Было в ней что-то ледяное, что всегда пробирало до костей.

«И тут он понял, что это Смерть, и понял, что он в раю...»

Больничный двор закончился, и начался лес.

Тот самый.

I

Стылый ветер швырнул в лицо горсть сухого, колючего снега. Данька невольно зажмурился. Осторожно приоткрыл один глаз: правый. Он стоял по колено в снегу, и вокруг бесновалась метель. Не пух окрестных тополей, а февральская лютая волчица-завирюха.

Он впервые попал в метель здесь, в лесу «плюс первого». Ощущение, мягко говоря, не из приятных – особенно если на тебе джинсы, модельные туфли, рубашка и легкая, продуваемая насквозь ветровка. Не по погоде оделся, Даниил-Архангел! С другой стороны, кто ж мог знать? И вообще, легкая стрельба бывает только в Голливуде.

Давай, тирмен, работай!

Щурясь от снежных оплеух, Данька начал осматриваться. По идее, лес должен был отчасти сдерживать пургу, не давать ей разгуляться в полную силу. Как бы не так! Деревья раскачивались под напором ветра, отчаянно полоща ветвями в судорожных попытках обрести равновесие. Пурга завывала, крутя меж стволов искристые вихри. В диком вое тонула знакомая, еще далекая мелодия. Расслышать флейту не получалось, одни барабанчики тревожно намекали: тук-тук, ты-ли-тут?..

Зато деревья вокруг щеголяли зелеными листьями, словно в разгар лета. Мясистые, глянцево-зеленые, неестественно яркие листья крепко держались на ветках, вцепившись не черенками – когтями и зубами. Ветру никак не удавалось сорвать хотя бы один, закружить, унести прочь, в белую мглу.

Блин, да тут все минус десять! Не успеешь отстреляться – замерзнешь насмерть. Ветер обжигал, снег сек немилосердно. Хорошо бы цели оказались с наветренной стороны, чтобы метель лупила в спину...

Справа что-то сверкнуло сквозь пургу. Ну-ка, разберемся... Ветер теперь налетал сбоку, в левое ухо немедленно набился снег. Данька поднял куцый воротник курточки, задрал, как мог, левое плечо, чтоб хоть чуточку защитить многострадальное ухо. Можно, конечно, прикрыть ухо ладонью – но тогда кисть быстро зачоченеет.

Если придется взять пистолет в обе руки...

Наконец он разглядел первую мишень. Над корягой, накрытой снеговой шапкой, сам собой подпрыгивал блестящий кругляш монеты. Серебряный пяточок с короной и двуглавым орлом. Торчащий из коряги сук, на который падала монета, прежде чем снова взлететь вверх, смахивал на высохшую трехпалую руку.

«Да-а-ай тебе, внуче-ек...»

Как давно это было? Тринадцать лет назад? Четырнадцать? А помнится до сих пор...

Правая рука уверенно сжала рубчатую рукоятку «Беретты». Модель 9000S, девять миллиметров. Карманы куртки оттягивали запасные обоймы. Он знал еще с прошлого раза: стрелять придется из личного оружия. Это хорошо. Не торопясь, Данька поднял пистолет, снял с предохранителя. Встал поудобнее. Нет, не годится. Лучше с колена.

Он опустился в снег, забыв про холод, не обращая внимания на залепленное ухо. Выровнял дыхание, тщательно прицелился, ловя нужный момент. На взлете? Нет, при падении, чуть ниже верхней точки. Вот так. Он плавно надавил на спуск.

Выстрел.

Мимо.

Расслабься, тирмен. Брось нервничать. Патронов у нас с запасом, Великая Дама позаботилась. Черт, метель эта! Словно нарочно старается запорошить глаза, накинуть на сектор стрельбы буйную, кипящую сеть – сбить, запутать, помешать... Врешь, не собьешь! Целимся, мягко выбираем слабинку, задерживаем дыхание...

Самого попадания он не увидел. И звука от пули, впечатавшейся в заветный пяточок, не услышал. Монета просто исчезла, не долетев до трехпалой лапы, распахнутой в ожидании. Над корягой, свисая с ветки дерева, качался лапчатый лист – вечнозеленый, очертаниями напоминающий спящую собаку.

Есть.

Первая – есть.

Мишень первая Данька-Встанька

*Я увидел Вас в летнем тире,
Где звенит «Монтекрист»,¹ как шмель,
В этом мертво кричащем мире
Вы – почти недоступная цель.*

А. Вертинский

Год Зеленой собаки

1

– Нет, ну ты понял, да?

– Я Жирному ничего не должен, – твердо сказал Данька.

Он искренне надеялся, что получилось твердо. В горле першило: должно быть, от мороженого. Все время хотелось почесать кончик носа. И щеку. И под глазом. И вообще, настроение было – черней мазута.

Кошей ухмыльнулся с гаденькой радостью:

– Это ты Жирному скажешь. В деберц сел? – сел. Жирный тебя откатал? – ясен пень. Теперь плати.

– Мы не на деньги играли, – возразил Данька. – Мы просто так.

Он думал о том, что с Кошеем спорить легко. Кошей – гнида трусливая. Бегаёт и сплетни носит. Вот с Жирным спорить куда труднее. Совсем не выходит с ним спорить, с Жирным, и с кодлой его...

Кончик носа свербил, подлец, до невозможности.

Это от трусости, понял Данька. Я – трус. Вот оно как...

– Просто так – четвертак! – лучась восторгом, выкрикнул Кошей. Сутулый, чернявый, готовый лопнуть от важности, он напоминал грача, хлопочущего над особо вкусным червяком. – А так просто – девяносто! Готовь бабки, Архангел! Данила-мастер!

– Шел бы ты, Кошей... иди, воздухом подыши...

Данька был противен сам себе. Во-первых, он не любил своего имени. Разве это имя для нормального человека: Даниил? Нет бы Сашка, Пашка... Во-вторых, к своей фамилии – Архангельский – он тоже относился без приязни, схлопотав из-за нее глупую кличку Архангел. В-третьих... «В-третьих» сейчас было самым главным. Ну что стоило вчера не задерживаться во дворе, а сразу пройти домой?

– Не по-пацански выходит, – Кошей огорчился. Топнул ногой от возбуждения, угодив по лужице и обрызгав холодной водой штаны себе и Даньке. – Пацан сказал, пацан ответил. Мне-то что, мне по барабану, а Жирный не поймет. И братва не поймет.

Братва ему, крысюку... От пацанских наворотов Кошея, безуспешно косившего под реальную шпану, накатывала тошнота. Такая подступает к горлу, когда стоишь на вышке, бас-

¹ «Монтекристо» – винтовка Флобера. Старейшее (1842 г.) малокалиберное (от 4 мм до 9 мм), очень легкое (до 1,5 кг) почти беззвучное спортивно-стрелковое оружие на унитарных патронах. Стреляло без пороха: патрон Флобера имел только инициирующий состав, энергии которого хватало для метания пули на дистанции, пригодные для тренировочной стрельбы в закрытых помещениях, т. е. до 50 м.

сейн внизу кажется лужей, вроде той, по которой топал гад Кощей, и точно знаешь: прыгнешь – промахнешься, не прыгнешь – засмеют. Лучше найти деньги до понедельника. У мамы нет, у нее никогда нет, а у отца бывают. Редко, правда. Вечером зайти к отцу, спросить как бы невзначай: если есть, он не откажет.

Рассказывать отцу про долг Жирному не хотелось. Загорится спасать, начнет строить планы, кричать, что он им всем покажет, что он боксом занимался, оставит ночевать, а утром все забудет и убежит по вечным своим делам. И деньги дать не вспомнит. И про бокс. Надо что-то заранее придумать: рюкзак хочу, мол, купить, или готовальню...

С постамента, установленного в начале парка, на двух мальчишек глядел пролетарский писатель Максим Горький, недавно выкрашенный в ядовито-серебристый цвет. Сентябрь выдался теплый, ночной дождь легко взъерошил листву каштанов и кленов да еще оставил мелкие лужи, как память о небе. Голуби ворковали на плечах и голове Горького, а он все смотрел, и во взгляде его Даньке чудилось сочувствие. Ну да, сейчас только от памятника сочувствия и дождешься. И то если памятник в юности был волжским босяком, как рассказывала Мандрила на уроке литературы. Остальные живьем сожрут.

Удачное воскресенье, ничего не скажешь.

– Костик, ты идешь?

Лилька Бутенко, первая красавица класса, махала Кощей рукой от лотка с газировкой. Рядом топтались близняшки Сестры Бэрри: вечные Лилькины спутницы, страшненькие, а потому безопасные. И что они в Кощее находят? Мелочь, вредина, сплетник, а от девчонок проходу нет. Просто липнут на него, стрикулиста.

Слово «стрикулист» Данька впервые услышал от дяди Левы, пьяницы и записного хохмача, когда Лева обмывал с отцом почин какого-то очередного золотого дела, после которого оба станут миллионщиками. Значения не понял, спросить постеснялся, но сегодня догадался сразу и навсегда: стрикулист – это Кощей и такие, как Кощей. Очень уж они подходили друг к другу: таинственное слово «стрикулист» и Костик Луцак, ученик 9-го «Б» средней школы № 17.

– Ко-о-остик... мне надоело!..

– Иду-иду! – Кощей извернулся и показал Лильке, как он спешит к ней. Ужасно спешит. По-пацански. – Лилон, мы уже отбазарили!

– Мы в кино опоздаем, Костик!

– Ну, ты понял! – подвел Кощей итог разговору.

Он шмыгнул хрящеватым носом и удрал вести белокурую Лильку в кино.

Данька двинулся по центральной аллее следом за ними. Билета у него не было, в кино он не собирался, даже не знал, какой фильм идет в «Парке». Просто вышел погулять. Раз-два-три-четыре-пять, вышел Данька погулять, тут вдруг Жирный выбегает, за долги штаны снимает... Стишок получался не ахти. Опять же непонятно, с кого именно Жирный снимает штаны: с себя или с должника.

Мысль о долге ныла больным зубом. Все время хотелось трогать ее языком, прикусывать, длить нытье, словно это наказание могло оплатить часть самого долга.

Сверху упал влажный каштанчик, прямо под ноги. Хорошо хоть, по голове не треснул.

– Дай бабушке копеечку...

Горбатая старушонка назойливо тянула руку. Данька не любил, когда нищие, которых в последнее время развелось больше, чем «челноков», подходят близко: стрельнуть если не милостыню, то сигаретку. Нищий должен стоять на углу или возле магазина. Стоять и ждать. Тогда проще не обращать внимания. Не из жадности, а из резона: на всех не напасешься, как говорит мама.

Обойти попрошайку? Неудобно.

Дать копеечку?

Так копеечек давным-давно нет, а есть тысячи и миллионы, цена которым невелика. Мама плащик купила за семнадцать миллионов. Когда папа с дядей Левой хотят стать миллионщиками, они имеют в виду совсем другие миллионы.

– Дай копеечку...

Чувствуя себя полным идиотом, Данька полез в карман куртки. Он знал, что денег там нет. Последние были потрачены на мороженое: фруктовое, кисленькое. Фруктовое Данька любил больше всяких пломбиров и «Каштанов». Подкладка в кармане надорвалась, надо сказать маме, пусть зашьет... В дыре, углубившись почти до самого шва, пальцы нащупали монету. Наверное, завалилась когда-то.

Увидев гривенник – еще советский, с гербом – старушонка очень обрадовалась.

– Да-а-ай бабушке...

И зачем ей гривенник? Что за него купишь?

Ухватив монету артритной клешней, нищенка с неожиданной ловкостью подбросила добычу в воздух и поймала на лету. Солнце пулей ударило в кругляш, серебряный, будто свежавыкрашенный зрачок пролетарского писателя Горького. От острого блеска на глаза навернулись слезы. Даньке даже показалось, что бросала старуха одну монету, а ловила совсем другую: не с гербом и колосьями на «орле», а с какими-то незнакомыми буквами или цифрами. Он проморгался и сразу забыл о старухе, бормочущей о счастье, которое ждет доброго мальчика буквально за поворотом.

Вместо счастья за поворотом Даньку ожидал Жирный с кодлой.

Раз-два-три-четыре-пять... Четверо лоботрясов и вожак, скотина толстенная и злопамятная. Сердце упало в пятки, словно пуля солнца подбила его вместо гривенника, и там, в пятках, вокруг сердца сомкнулись пальцы старухи: жадные и цепкие.

Нос зачесался со страшной силой.

– Пожалел бабушку... дай тебе здоровья и удачи, внучек...

Кто должен был дать внучеку удачи, осталось тайной. Но не подвел, дал, и щедрой рукой. Сообразив наконец, что Жирный отнюдь не стережет строптивого должника, а тусуется в парке без определенной цели, коротая воскресенье, – может, тоже в кино собрался! – Данька метнулся в сторону, под прикрытие матерого каштана.

Бежать обратно?

Заметят. И догонят.

От каштана он переместился ко входу в парковый тир. К счастью, между ним и Жирным маячил Адмирал Канарис – городской сумасшедший, дылда в мундире с дюжиной разномастных орденов. Псих важно топтался у павильона «Соки-воды», рассказывая фонарному столбу о танковом прорыве Гудериана под Ромнами и позорном отступлении в Конотоп. Отсюда деваться уже было некуда, и Данька вошел в тир.

Дескать, посмотреть, как стреляют.

У стойки палил почем зря очкастый дяденька, поддатый и развеселый. Рядом с локтем дяденьки тускло сверкала горка пулек. С шутками-прибаутками очкастый ломал «воздушку» пополам, вкладывал пульку, долго целился, спускал курок и хохотал над очередным промахом. Вот уж у кого настроение было: зашибись. И с деньгами все в порядке.

И с долгами.

Данька пристроился рядом, делая вид, что увлечен стрельбой.

– О! Вольный стрелок! – заметил его дяденька, густо дохнув перегаром. – Замочим карусельку? На пару, а?

Данька пожал плечами: и замочил бы, да финансы поют романсы, как говорит дядя Лева. Вы стреляйте, я так люблю.

Пока Жирный не слиняет.

Слева от стойки, в крошечной каморке, скучал тирщик: жилистый дед в парусиновом костюме и кепке-«аэродроме» на стриженной седым «ежиком» голове. В руке дед держал кулек с семечками. Шелуху тирщик сплевывал в картонную коробку, притулившуюся у дверного косяка, и делал это, скажем прямо, с исключительной меткостью.

Снайпер.

Дяденька успел сделать еще с десяток выстрелов, когда снаружи раздался капризный женский голос:

– Сева! Ну Сева же! Сколько тебя ждать?

– Я сейчас, Нюрок! – откликнулся Сева, хищно целясь в вожаемую карусельку. – Вот шлепну вертуху, и двинем...

– Кого ты шлепнешь?! Сеанс через десять минут! Севка, я обижусь!

– Нюрок!

– Я сто лет Нюрок! Севка, я ухожу...

Дяденька отложил винтовку и подмигнул Даньке, сдвинув очки на кончик носа.

– Никогда не женись, стрелок. Понял?

Было в его интонациях что-то от Коцея. Сейчас возьмет и добавит, что жениться «не по-пацански». Вместо этого дяденька ухватил Даньку за ухо, несильно дернул и через плечо сообщил тирщику:

– Там еще три пульки. Пусть достреляет...

Тирщик меланхолично кивнул, с хрустом лущая семечки. Данька подумал, что если бы на кепке деда стояли самолетики, как на настоящем аэродроме, они бы все покатались на пол и расшиблись вдребезги. Получилась бы катастрофа. Примерно такая же, как если бы Данька вышел из тира в лапы к Жирному.

Спасибо очкастому, выручил. Купил добрый мальчик удачи на гривенник.

Зарядив винтовку, он прицелился в карусельку, которую безуспешно пытался замочить очкастый благодетель. Следовало тянуть время. Если до начала сеанса десять минут, если Жирный собрался в кино... Слишком много «если». Но выбирать не приходилось.

Сбоку от карусели торчал белый кружок, куда следовало вклеить пулю, и тогда три слона с конем завертятся в награду меткому герою. Небось и музыка сыграет. «Тра-ля-ля, тра-ля-ля, прокатись на нашей карусели...»

Как в мультике.

Данька целился и целился, чувствуя на себе безразличный взгляд тирщика, а потом заинтересованный взгляд тирщика, а потом внимательный взгляд тирщика, и наконец такой взгляд тирщика, каким, наверное, смотрят с крыши поверх длинного-длинного ствола, раздумывая: уложить вон того пешехода на асфальт или пусть еще погуляет...

Глаза начали слезиться. Как от блеска летящего гривенника. Да нет, здесь действительно что-то блестит. Ага, вот.

Под каруселью располагалась маленькая круглая мишень, похожая на монетку.

Монетка, и все: ни «кузнецов», ни «мельницы», ни «паровозика».

Прищурясь, Данька с трудом разглядел на монетке-мишени четыре грубо отчеканенные буквы. Или цифры. Или просто узор, составленный из крендельков и завитушек.

Он опустил дуло винтовки, совмещая чудной «гривенник», мушку и прорезь прицела. Стрелять он не собирался. Он собирался тянуть резину. Трех пулек хватит минут на семь-восемь. А там видно будет. Если Жирный не уйдет, попробуем слинять за тир и незаметно удрать к аттракционам. Народу много, можно затеряться и уехать на трамвае домой.

Отец в детстве перед «чертовым колесом» разок-другой водил его в этот тир. Хвастался, что в школе занимался стрельбой, учил: целиться надо в центр, или «под яблочко»... обещал научить стрелять лучше Бельмондо, но вскоре забыл, закрутился, побежал в миллионщики...

Снаружи, на аллее, громко хлопнул проколотый воздушный шарик.

И Данька выстрелил.

Мишенька с буквами подскочила вверх на полметра. Перестав блестеть и превратившись в черную дырку, которая все засасывает и ничего не возвращает – про такую рассказывала физичка Анна Ванна – она беззвучно чмокнула. Этот странный чмок отдался у Даньки в животе легким спазмом. Словно его только что попробовали на вкус и сочли удовлетворительным.

Внизу, под «Бабой-ягой» с метелкой и ступой, из стены высунулась трехпалая лапка, похожая на куриную или на руку давешней нищенки. Монетка упала в центр лапки, суставчатые пальцы быстро сомкнулись и утащили добычу в стену.

– Да-а-ай тебе, внуче-ек...

Нет, почудилось. Вместо дурацкого пожелания заиграла музыка: тягучая, нервная. Арабская, должно быть. Или китайская. Во всяком случае, Данька никогда раньше не слышал похожей музыки.

Казалось, ноты приближаются к тебе гуськом из немыслимого далека, булькая птичьими горлышками, и надо дожидаться, пока они соберутся вокруг, чтобы стало очень хорошо, тихо и спокойно. Но еле слышные барабанчики намекали, что ждать не обязательно. Тук-тук, ты-ли-тут? А вдруг, братец, когда ноты соберутся здесь и выяснят, что ты удрал, это получится еще лучше?

– Молоток, – сказал тирщик, вылезая из своей каморки. – Тебя как зовут?

– Даня, – ответил Данька и поправился: – Э-э... Даниил.

Тирщик встал рядом, у стойки.

– Хорошее имя. Даниил. Даниэль. Суд божий. А меня зовут Петр Леонидович. Можно – дядя Петя.

– А меня можно Данькой...

Данька ничего не понял. Ни почему имя хорошее, ни при чем тут божий суд. Но тирщик дарил ему законную возможность выиграть лишние минуты, скоротав их за пустячным разговором. Славный человек. Добрый. И кепка у него замечательная. Тирщик напомнил Даньке Илью Григорьевича, маминого отца – дед Илья, когда стоял рядом, тоже рождал у внука ощущение надежности и защищенности. Жалко, что мама с дедом в ссоре и тот редко заходит.

И орденские колодки на пиджаке тирщика похожи на дедовские.

– Кого подстрелим теперь, Даниил?

Тирщик ловко зарядил винтовку, подвинул ближе деревянную, выкрашенную растрескавшейся охрой сошку, на которую можно было примостить ствол. Но передумал и сошку убрал.

– Н-не знаю. – Данька взял винтовку. – Карусель?

– Ну, давай карусель. Взвод, целься!

Прицелившись, Данька увидел, что каруселька изменилась. Из-за слонов с конем, ранее невидимый, бочком высунулся розовый свин: толстый, наглый, с брюзгливым пятакон. Свин был до чертиков похож на Жирного. А слоны с конем – на кодлу Жирного.

– Карусельку, – уверенно повторил Данька, разглядывая свина-Жирного сквозь прорезь прицела.

Тянуть время больше не хотелось.

Хотелось стрелять.

– Целься «под яблочко». – Тирщик дышал табаком и семечками, и это было даже приятно. – Чуть ниже центра. Локоть поставь вот так. Хорошо. Сделай глубокий вдох. Выдох. Задержи дыхание. Пли!

«Ну, Жирный...» – мысленно пожелал Данька и спустил курок.

– Тра-ля-ля, тра-ля-ля! – запели из динамика детские голоса. – Прокатись на нашей карусели!

Карусель с кодлой Жирного завертелась, ускоряя вращение. Внутри круглой подставки вспыхнули разноцветные огоньки, мигая невпопад. Быстрее, еще быстрее, и вдруг карусель накренилась, роняя на пол тира плохо закрепленных – или крепления прямо сейчас расшатались? – слонов, коня и свинью.

– Ерунда, – бросил тирщик в ответ на испуганный взгляд Даньки. – Старая мишень. Давно пора на помойку. Я потом соберу. Ну, кого третьего?

Данька задумался. Бахнуть в «паровозик»? Наверное, когда попадаешь, два вагончика колышутся, притворяясь, будто едут, а из трубы идет дым. В Карлсона, чтоб заработал пропеллер? В жирафу, чтоб упала длинной шеей вниз? Жирафа напомнила ему химичку Веранду, зануду и придиру. Завтра контрольная по химии: валентность, кислород-водород. Картина Репина «Опять двойка».

– Жирафу!

– Зд-доров будь, дядя П-петя! – сказали из дверей тира, сильно заикаясь.

Данька обернулся. На пороге стоял худой, низкорослый парень лет двадцати с хвостиком. Одет парень был в камуфляжные штаны с разводами, полосатую майку-тельник и тканевую куртку поверх майки. В руке он держал свернутую трубочкой газету.

– В-вот, «Время». Как т-ты заказывал. Сег-годняшний номер.

– Мой сменщик, Артур, – тирщик указал Даньке на парня. – Знакомься, Артур: это Даниил. Мы сейчас жирафу валить станем.

– Саф-фари, блин, – без улыбки отозвался парень, подошел к стойке, отдал газету тирщику и обменялся с Данькой рукопожатием. Ладонь у Артура оказалась вялой и безвольной, как снулая рыба. Зато лицо, смуглое и плохо выбритое, состояло из сплошных углов: скулы, подбородок, короткий нос.

Когда парень шел, становилось видно, что он прихрамывает.

Завалить жирафу оказалось проще простого. Краем уха прислушиваясь к советам тирщика, Данька все исполнил в точности – и испытал острое чувство удовлетворения, когда желто-пятнистая Веранда закачалась вниз головой. Жаль, что такой фокус нельзя проделать при всем классе: хохоту было бы...

– Заходи пострелять, – сказал на прощание тирщик дядя Петя, качнув «аэродромом». – Постоянным клиентам – со скидкой.

А хромой Артур ничего не сказал, скрывшись в каморке.

Поданный нищенке гривенник продолжал оплачивать удачу, потому что снаружи Жирного не оказалось. Ушли в кино, с облегчением понял Данька. Не желая искушать судьбу, он свернул на боковую аллею, собираясь пройти мимо кафе «Чебурашка» и выбраться из парка на остановку троллейбуса. На прощание надо будет помахать рукой пролетарскому писателю Горькому. За сочувствие.

Солнце спряталось за лохматую тучку, похожую на бездомную дворнягу. Под ногами шуршали опавшие листья. Если из парка выбраться в лесопарк, пройдя вдоль детской железной дороги и свернув за Сокольниками налево, там этих листьев горы. Можно шаркать, словно ты – дряхлый старикан, и листья будут взлетать в воздух, распространяя прелый запах осени. Скоро начнутся дожди, в лесопарке станет не пройти из-за грязи, а сейчас хорошо. Вернуться? Все равно дома делать нечего...

– Здравсьте, – сказал Жирный, выходя из кафе «Чебурашка» с бутылкой пива в руке. – Давно не виделись. Архангел, ты мне капусту несешь, или где?

Следом, противно смеясь, валила кодла.

Жирный был старше на два года и тяжелее на целую тонну. Даже когда он просто стоял напротив, прихлебывая пиво, дышать становилось трудно. Словно ты уже лежишь на асфальте, в луже, а на тебе верхом сидит большая-большая неприятность и приговаривает: «Капусту или где? Где или капусту?» На центральной аллее хотя бы оставался шанс, что кто-то из гуляющих

вмешается, поможет, разнимет в случае чего и проблема отложится до завтра. Но здесь, возле пустого днем кафе...

– Я гуляю, – глупо сказал Данька.

– Ну-ну. – Жирный растянул рот в ухмылке, показав скверные зубы. – Гуляй. Должок верни и гуляй на всех четырех. Дыши воздухом.

– Я тебе ничего не должен.

Это была глупость едва ли не бо́льшая, чем сам Жирный со всей его кодлой. Общий вес глупости, считая каждое слово, даже малую частицу «не», мог завалить носорога. Из коленок вынули суставы и натолкали сахарной колючей ваты. Окажись здесь Кощей, то-то порадовался бы.

– Фофан, держи пиво. – Не сводя глаз со строптивного должника, Жирный протянул бутылку конопатому обормоту Фофану, Данькиному однокласснику, несмотря на возраст допущенному в кодлу за особые заслуги. – Отопьешь, убью.

И взял Даньку за грудки.

– Я таких, как ты, – доверительно сообщил Жирный, тряся щеками. – Знаешь, что я таких, как ты?

Улетая спиной назад, Данька успел подумать, что пусть спиной, пусть назад, лишь бы подальше от глазок-буравчиков Жирного – не свинских, волчьих. Еще лучше было бы долететь вот так до троллейбусов и впрыгнуть в уходящую «двойку» или разбиться насмерть, избавившись от любых забот. Долго думать о приятном не получилось: он врезался в кого-то и оказался на земле.

– З-зохри м-моро, – непонятно охнули под Данькой.

Спихнув мальчишку в кусты, неудачливый прохожий встал на четвереньки и обернулся заикой Артуром, сменщиком дяди Пети. Мотая головой, Артур кашлял и отдувался. Вставать на ноги, судя по всему, он не собирался. К штанам и куртке обильно прилипли листья, левый рукав треснул по шву на плече.

«Сейчас он защитит меня. – Воображение истерически рисовало одну дивную, спасительную, невозможную картину за другой, пытаюсь отгородиться от реальности, жуткой, как вздох серого волка над поросычьим домиком из соломы. – Он бывший «афганец», десантник или каратист, или Жирный испугается, что Артур сломал руку, и убежит, или здесь пройдет наряд милиции...»

Кодла ржала и тыкала в Артура пальцами.

– Офигенно извиняюсь. – Жирный с насмешкой кивнул хромому сменщику. – Мы тут по-дружески бабки решаем. Желаю идти мимо.

На щеке Жирного алел свежий прыщ. Данька до одури жалел, что винтовка осталась в тире. Уж в этот прыщ он всадил бы пулю точнее, чем в мишень-монетку.

– Зох-хри м-моро, – повторил Артур, садясь назад, прямо в лужу.

За его спиной кончался асфальт и начиналась трава. Сменщик, не глядя, протянул руку, нашарил в траве ржавую гайку и засветил Жирному в лоб.

– Т-вою м-мать! – Жирный, заикаясь, в свою очередь сел на ступеньки входа в кафе, словно решил во всем подражать Артуру. Он взялся за лоб: осторожно, как берутся за любимую мамину чашку из китайского фарфора, подозревая, что чашка треснула, а мама на подходе. – Тв-в-вою-ю... С-сука! Ах ты с-сука! Ты-ы...

Прямо со ступенек он быком кинулся на обидчика: смести, втоптать, сесть сверху и многократно наплевать в подлую харю. Это он умел. На школьном дворе, во время перемен или после футбола, Данька не раз убеждался, до чего же хорошо Жирный умел это делать. И, стоя в толпе восхищенно ахающих сверстников, никогда не желал из зрителя превратиться в участника экзекуции.

«Конюшенко, – вспомнилось не пойми к чему. – Фамилия Жирного: Конюшенко».

Имя не вспоминалось.

– П-педер, – сказал Артур. – П-педер сухт-те...

И кинулся навстречу массивной туше – маленький, согнутый в три погибели, грязный, будто ошaleвший пес под грузовик.

Когда столкновение казалось неизбежным, сменщик извернулся, уступая дорогу, и воткнул худое плечо Жирному в брюхо. Брюхо содрогнулось. Жирный, по инерции продолжая движение, сдвинулся пузырем, в который ткнули кривой иглой. Или нет, такие пузыри Данька видел, когда отец с дядейлевой ели вяленую воблу: к пузырю подносилась спичка, тот лопался и чернел, обугливаясь, а по комнате разносился запах паленого.

Вонь горящих листьев – дворники жгли осенние горы листья за аттракционами – лишь усилила сходство.

Ноги у Жирного заплелись, Артур вцепился противнику в левую брючину и сильно дернул. У сменщика сейчас все стало наоборот: лицо, вырезанное из углов, расплавилось, потекло, сделалось лужицей горячего парафина, бессмысленной и придурковатой, а вялые руки-рыбы вдруг хищно щелкнули клыками голодной щуки, вырвав клочок из тонких джинсов «Milton's».

Жирный грохнулся ничком и тоненько заскулил.

– А он тебя пидором назвал... – бормотнул конопатый Фофан. До него всегда доходило с большим опозданием. – Слышь, братан, он тебя...

Дернувшись, Фофан плеснул в Артура, по-прежнему скрюченного не по-людски, пивом. От страха или от дурного героизма – Данька не понял. Мутная желтая струя обрызгала сменщику голову и плечи, черные волосы слиплись блестящими сосульками. Не обращая на это внимания, Артур сунул конопатому кулаком в пах и отобрал бутылку. Помедлив долю секунды, словно размышляя над выбором, он взмахнул полупустым «Жигулевским», разбрызгивая остатки пива.

Часть попала на Даньку.

Мама ругаться будет, подумал он, зная, что мать ненавидит, когда от сына пахнет выпивкой. Мысль о маме, которая учует пиво и станет ругаться, вышла домашней, спасительной, выводящей за пределы творящегося безумия. Я сижу в видеосалоне. В крохотном душном зальчике: двор по улице Петровского, второй этаж над жэком. Показывают «Грязного Гарри» или «Нико». Сеанс скоро закончится, и я пойду домой, а парочки останутся смотреть «Горячие попки»...

– Ы-ы...

Фофану улыбнулась судьба: его, мычащего от боли, повело в сторону. И доньшко бутылки разлетелось вдребезги о каменный парапет, огораживавший ступеньки входа в кафе, а не об голову Данькиного одноклассника.

Зеленая роза расцвела в руке Артура.

Кодля, вертясь на шатком кругу карусельки, попятилась. «Ерунда, – прошептал Данька, забиваясь поглубже в кусты, плохо соображая, что говорит и зачем повторяет слова деда-тирщика: – Старая мишень. Давно пора на помойку...» Странно, но Артур как будто слышал. Парафин начал быстро-быстро застывать, оформляясь знакомыми углами, рыба сонно зевнула, роняя смертельно опасный цветок. Озабоченная гримаса появилась на лице хромого сменщика.

– Вертушки, – спросил он у Даньки, ни капельки не заикаясь. – Где вертушки?

– Н-не знаю, – губы шевелились с трудом. – Честно, я не знаю...

Артур кивнул с удовлетворением и пошел в сторону тира.

Ждать, пока Жирный с кодлой опомнятся, Данька не стал.

2

Семечки пахли пылью – безвкусные, сухие, словно пролежали целую вечность под палящим июньским солнцем. Хотелось пить, но он помнил: фляга пуста с вечера. Надо было наполнить утром, но они спешили, а вода во встреченном колодце сразу не понравилась – мутная, горькая, в пятнах бензина. Боец Сидорчук еще пошутил: «Такой водой только танк заправлять...» Кто мог погубить колодец? Немцы? Но зачем? Разве что по глупости – заехали на хутор, бросились к воде, уронили грязную тряпку в спешке.

Воды нет, фляга пуста, сухая пыль во рту, не продохнуть, а впереди – немецкие мотоциклисты...

Петр Леонидович покачал головой, аккуратно спрятал кулечек с ни в чем не повинными семечками в карман пиджака. Колодец не виноват, и пыль не виновата. И семечки самые обычные: купил утром у знакомой тетki на троллейбусной остановке, возле главного входа в парк. Тогда и понял, доставая из кармана пачку дурацких фантиков-купонов: что-то не так. Семечки, запах пыли, давняя память о погубленном колодце. Верная примета, можно сказать, диагноз. Не хуже, чем в ветеранской поликлинике.

Старик поглядел на чайник, исходивший паром. Хотел встать, но вдруг представил себя со стороны: худая мумия с седым «ежи́ком» на голове. Нелепые усы, еще более нелепый костюм – с музейной витрины, не иначе. Сейчас мумия начнет приподниматься со стула, кряхтя, напрягаясь, может, даже охая...

Петр Леонидович на миг закрыл глаза. В то далекое утро, когда горло казалось забитым пылью, а фляга была пуста, он тоже видел себя со стороны – растерянного, нескладного, в мятой, плохо пригнанной форме, похожего на актера Плятта из кинофильма «Подкидыш». Чучело в гимнастерке. Движущаяся мишень в чужом тире. Ничего, пройдет! И тогда прошло, и сейчас. Он чувствовал, знал заранее: утром, на остановке, покупая семечки. Пустяки. Всего лишь минуту посидеть, не открывая глаз, ни о чем не думая.

Откашлявшись, Петр Леонидович встал со стула и шагнул к чайнику. Диагноз тем и хорош, что он – диагноз. Интересно, успеет ли мумия заварить чай, прежде чем...

– С-сухте... Педер сухте!

Старик покачал головой, еле сдерживая смех. Вот все и встало на свои места. Воскресный день, возле стойки тира – одинокий посетитель-фрейшюц достреливает соты́сячную купюру, мишень «Карусель» в очередной раз надо чинить, а сменщик Артур, который Не-Король...

– Всех бы п-поубивал, гадов! Д-дядя Петя, я их...

Сменщик Артур, бывший разведчик и сержант запаса, во что-то вляпался.

Как обычно.

– Чай будешь? – Старик не выдержал, улыбнулся. – Ты сначала, сержант, всех поубивай, а потом уже докладывай. Где убил, сколько, с мучительством или без. А то сплошные декларации о намерениях!

Сменщик скрипнул зубами и без паузы расплылся в ответной улыбке:

– Убь-бью – хоронить негде будет. Разве что в лесопарке, к-как фрицев. Чаю в-выпью, только умоюсь сначала. Т-тельник испачкали, сволочи! Уроды! Ув-вижу, сдержаться не могу! М-морды отъели, «мамоны» отрасли... Под Герат б-бы их, п-подонков, чтоб землю жрали!

Артур ругался по-русски, без любимого «педер сухте» – «сын сожженного отца» на фарси. Значит, пар благополучно выпущен. А то, что контуженый сержант-«афганец» вернулся без наручников и не в сопровождении усиленного наряда, еще лучше. Беда прошла мимо, задев лишь краешком. Испачканный пивом тельник – вполне приемлемый вариант. Пиво – ерунда...

Наливая кипяток в железный заварничек, Петр Леонидович внезапно подумал, что все могло кончиться иначе, если бы не сегодняшний паренек, разваливший злополучную «карусельку». Паренек с библейским именем Даниил. Мысль вначале показалась странной, но старик давно убедился, что странное – не всегда невероятное.

– А ведь из-за чего все? – весело заметил Артур, благоухая пивом на весь тир. – Из-за кого, т-точнее. Из-за того хлопца, Данилы. Его урла м-местная прижала...

Старик ничуть не удивился. Семечки на остановке, пыль во рту, сменщик нарвался на подвиг. Не-Королю Артуру самой судьбой было предписано нарываться. Но на этот раз парнишка по имени Даниил, сам того не ведая, шагнул вместо сменщика в львиный ров. И все кончилось трагикомической драчкой с местной «урлой».

Пуля – та, что отнюдь не дура, – просвистела мимо, у самого виска.

– Веришь в судьбу, сержант? – поинтересовался старик, расставляя на столе стаканы в тяжелых подстаканниках.

– А к-как же! – благодушно откликнулся «афганец». – И в приметы в-верю, и в сны т-тоже. Сегодня, блин, такое с-снилось, всп-поминать не хочется.

Петр Леонидович молча кивнул. Именно, что не хочется.

– Я чего с-слыхал. – Артур достал с полки сахар, поморщился. – Эти с-суки... Не те, с которыми я зав-вязался, а те, что в мэрии. Парк наш вроде к-ак продают. С пот-рохами. А п-потроха – это мы. Закрывают н-нас. Т-тир ломают, б-бордель негритянский строить ст-танут.

Старик не спеша разлил заварку.

– Правда? А почему – негритянский?

Последний болтик послушно стал на свое, конструкцией и инструкцией предписанное место. Петр Леонидович с удовлетворением вздохнул, легко толкнул «карусельку» ладонью. Порядок в танковых войсках! Всего-то и дел на... Взгляд скользнул по циферблату. Восемь минут, если без спешки. Старик долго вытирал руки тряпкой, без особой нужды перебрал инструменты в ящике, неуверенно поглядел на веник, скучающий в углу. Можно и подмести, в конце концов. Он никуда не спешит: дома пусто, никто не ждет.

...Дома никто не ждет, во рту – знакомый вкус пыли. Фляга пуста, вода в колодце пахнет бензином.

Старик выключил свет в зале. В раздумьях устоялся на жестяной колпак настольной лампы. Можно потушить и ее, встать слева от двери, чтобы не задела пуля... Петр Леонидович невольно хмыкнул, представив, как это будет выглядеть со стороны. Терминатор, точнее, Тирменатор в засаде с тульской «воздушкой» вместо базуки. Он вновь поглядел на часы. 20.32, официально тир закрывается в восемь, и если сегодня не пришли...

В дверь постучали, когда он взялся за веник.

– Эй, дед, кто тут главный? Ты, что ли?

Бра «Привет из Сочи» делало все возможное и невозможное, но шестьдесят свечей – не зенитный прожектор. Впрочем, то, что гостей двое, старик понял сразу. Первый, амбал сам себя шире, торчал на пороге, а за его плечом расплывчатой тенью маячил второй, поменьше и пошустрее. Интересно, кто из них главный? Амбал?

– Оглох, дед?

– Добрый вечер. Главный – я. Кондратьев Петр Леонидович.

Он чуть не добавил: «С кем имею честь?» – но вовремя сдержался. Не поймут, строители негритянских борделей. Слова незнакомые.

– Ага!

Амбал двинул плечом, переваливаясь через порог. Петр Леонидович успел вовремя отступить в сторону, к месту предполагаемой засады. Если придется стрелять...

Старик беззвучно хмыкнул, представив нехитрый этюд. Даже если второй, оставшийся за дверью, держит оружие наготове и успеет что-то сообразить, туша ретивого амбала примет пулю на себя. Только не сообразит, не догадается. Секунда, максимум – две. Выстрелы в парке услышат? На то и тир, чтобы стреляли.

– Это чего, дед? Тир?

Вопрос амбала звучал столь естественно, что Петр Леонидович окончательно успокоился. Ерунда, стрелять не придется. Эти, пришедшие из вечернего мрака, ничего не знают и знать не могут. Просто их послали. Их послали, они пошли.

Хорошо, что он отправил Не-Короля Артура домой – мыться и отдыхать. Словно чувствовал. Так ведь и впрямь чувствовал!

– Тир, – послушно отозвался он, прикидывая, из какой заповедной чащобы родом не слишком вежливый гость. – А что, не похоже?

– Скажешь! Тир – это где стреляют, понял? По-настоящему, боевыми. А тут для детишек, лабудень мелкая. Ладно, дед, мы все понимаем, ты все понимаешь. Выметайся!

Петр Леонидович задумался – ненадолго, всего на мгновение. Бордель будем строить, значит?

– Ключи от сейфа – в ящике стола. Я только вещи заберу.

– Какие еще вещи?

Амбал стоял рядом: сопящий, хмурый. Кажется, он с нетерпением ждал повода, пусть даже такого.

– Забудь, дед! Все тут теперь наше, просек? Катись!

Старик еле сдержался, чтоб не поморщиться. Амбал явно предпочитал чесночную кухню.

– Личные вещи, – спокойно пояснил он. – Кепку. И портфель.

За кепкой можно было зайти завтра – отдадут, куда денутся! – да и в портфеле ничего ценного не хранилось. Но именно в этот миг старик понял, что не уступит. Дело, конечно, не в дураке, заросшем густыми мускулами, дело в нем самом, Петре Леонидовиче Кондратьеве. Слишком долго приходилось уступать, молчать, соглашаться. Не только горячему Не-Королю Артуру не по нутру всякая сволочь. Еще перед войной, в Коврове, каждую ночь ожидая ареста, молодой бухгалтер Петька Кондратьев твердо решил: просто так не возьмут. Не возьмут – и все.

Сейчас не арест – кепка-аэродром на столе. Ничего, кепка вполне подойдет.

Не худший повод.

Амбал дернул пухлыми губами, заранее скривился, пытаясь сложить подходящую фразу...

– Эй, что за твою мать?

Оказывается, второй гость успел войти.

– Про кепку уговора не было, в натуре. Бери, мужик, базара нет. Твое – забирай, казенное – оставь.

По тому, как замерли губы амбала, старик понял, кто тут главный. Хотя и не разглядел шустрого – темно. Второй гость не торопился под тусклый свет лампы. Говорить больше было не о чем, и Петр Леонидович устыдился прежних мыслей. Нашел из-за чего войну объявлять! И кому?

– Ключи от сейфа в ящике стола, – повторил он. – Сегодняшнюю выручку я сдал.

– В курсе, – с охотой откликнулся главный. – И вот чего, мужик. Мы – не беспредельщики, не думай. Есть решение, мы его, в натуре, выполняем. Если непонятки, пусть твоя «крыша» с предьявой приходит или стрелку забивает, по понятиям.

Старик кивнул. Надел кепку, привычно глянул в зеркальце, висевшее на стене с незапамятных времен. Все? Война отменяется, всем спасибо.

– Тю, фотки!

В голосе амбала звучало искреннее изумление. Петр Леонидович невольно обернулся. Дитина, привыкший, что в тире стреляют исключительно боевыми, шурился, пытаясь рассмотреть фотографии, висевшие над столом. Сам старик напрочь забыл о них. Ничего, забрать успеем. Если, конечно, придется забирать.

– Танк! Гля, танк! – не унимался амбал, для убедительности тыча в желтоватую фотобумагу пальцем. – Такой у нас в райцентре стоит. А это кто? Ты, что ли, дед?

Отвечать Петр Леонидович не стал. Лето 1944-го, южнее Львова. Тогда их корпус ненадолго вывели из боя. Танк, возле которого он сфотографировался, был единственным в полку, уцелевшим после недельных боев. Экипажи, не сгоревшие и не попавшие в госпиталь, срочно обживали американские машины.

– «Ветеринар», значит? – подвел итог амбал. – На «Авроре» Берлин брал? Фронтоник-драповик?

Старик медленно и очень тщательно поправил кепку. Без особой нужды. Кепка была надета как надо – набекрень, к левому уху. Так раньше он носил фуражку.

«Почему бы и нет? – явилась спокойная, ленивая мысль. – Второго застрелить, пожалуй, не успею... И ладно! Леонид Семенович одобрил бы». Мысль быстро исчезла, пальцы по-прежнему трогали козырек, но тело приготовилось, напряглось, ожидая команды. В то далекое утро, когда семечки пахли пылью, немецкие мотоциклисты тоже смеялись...

– Извинись, падла! Быстро!

От неожиданности старик замер. Амбал и вовсе окаменел, открыв губастый рот. Вероятно, решил – почудилось.

– Я сказал!

Второй гость набылчился – маленький, поджарый, жилистый, похожий на готового к прыжку пса-боксера.

– Повторить?

– Не на... – Амбал сглотнул, провел пятерней по стриженным «ежику», как и у Петра Леонидовича, волосам. – Прости, дед! Это... не подумавши. У нас в райцентре...

«И аз воздам», – старик вздохнул. Оставив в покое кепку, взял в руки портфель. Главное правило тирмена: не суетись и не вмешивайся ни во что. Даже если тебя будут ставить к кирпичной стенке. Вмешаются другие, кому положено. Интересно, кто из них троих сейчас стоял на краю, у самой кромки? Он – или «ежик» с «боксером»? Со стороны бы взглянуть!

Он шагнул в темноту парка.

Сзади донесся голос «боксера»:

– Извини, мужик!

Возле тира было пусто. Странно пусто для воскресного вечера. Петр Леонидович огляделся, но, вопреки ожиданиям, автомобиля поблизости не оказалось. Поздние гости топали пешком – значит, невелики птицы. С такими не имеет смысла разговаривать, даже смотреть в их сторону – излишняя трата сил. Но ведь получилось – двое первых попавшихся «гопников» сгоняют с места тирмена, а вся королевская конница и вся королевская рать...

Вдали, в начале главной аллеи, раздалось гудение мотора. Не иначе к «ежику» и «боксеру» подмога катит? Старик улыбнулся, двинул плечами под парусиновым пиджаком. И без резерва главного командования обошлось. С богатырских плеч (под парусиной которые) сняли голову, причем не большой горой, а соломинкой. Никаких тебе «и аз воздам».

В лицо ударил свет фар. Успели оба: Петр Леонидович – шагнуть в сторону, неведомый шофер – затормозить. С визгом тормозов, со скрипом, с противным запахом горелой резины.

– Господин Кондратьев? Петр Леонидович?

Старик вытер ладонью слезящиеся глаза и еле удержался, чтобы не хмыкнуть. Горе вам, маловеры! Вот и «аз воздам» прикатил – на «шестисотом» «мерсе».

– Господин Кондратьев?

Мельком подумалось, что «господин» в устах неизвестного звучит не слишком уверенно. Кажется, «гражданин» для него привычнее. Или даже «гражданин начальник».

– С кем имею честь?

На этот раз не сдержался. «С кем имею честь?» – сухо и ровно спросил отец, когда дверь рухнула под ударами прикладов...

– Зинченко, Борис Григорьевич.

Оставалось вновь, в который раз за вечер, оценить обстановку. Темно, пусто, безлюдно. У входа в кинотеатр сиротливо застыла, обнявшись, поздняя парочка. Возле тира – ни души. Те двое внутри, не иначе в сейфе роются, клад ищут. И, наконец, Зинченко Борис Григорьевич выглядывает из раскрытой дверцы «Мерседеса». Бородат, широкоплеч, лицо...

Не рассмотреть, темно.

– Что вам угодно, сударь?

Все-таки переборщил. Бородатый с недоумением поднял голову, решив, вероятно, как и давешний амбал, что слух начинает шалить. Простые советские тирщики, краса и гордость развлекательного сектора, таких слов и в таком тоне обычно не употребляют. А с тирменами Борис Григорьевич не встречался. Ничего, пусть привыкает!

– Угодно? Да, в сущности... Может, поговорим в машине?

Петр Леонидович чуть было не согласился. Разницы никакой, что в машине, что на холодной пустой аллее. Внезапно вспомнились слова лейтенанта Карамышева: «Первое дело в разговоре что? Место! Чтобы ты вроде как дома, а он – наоборот. Значит, счет уже в твою пользу. Понял, старшой?».

– Поговорим здесь, господин Зинченко. – Старик без особой нужды поглядел в темное, затянутое тучами небо. – Здесь...

Теперь обождет, пока гость выберется из машины. Тоже небесполезно: посуетится перед разговором, неудобство ощутит. Дверь «Мерседеса» пошире, чем у «Запорожца», но для крупногабаритного Бориса Григорьевича узковата будет. И росту он трехсаженного, значит, смотреть следует прямо, не поднимая глаз – верный способ казаться выше. Все тот же Карамышев советовал. Умен был парень, даром что из НКВД.

– Вы их... убили? Моих?

– Нет.

Петр Леонидович запоздало вспомнил, что слышал о своем собеседнике. Правда, те, что о Зинченко рассказывали, не именовали вора в законе «господином».

– Нет, – повторил старик. – Не убил. Они там, в тире, развлекаются. Господин Зинченко, зачем понадобилось присылать ко мне... Если позволите употребить современное аргю, «хомячков»?

– Кто же их присылал, козлов драных?! – Бородатый в сердцах махнул рукой. – Если позволите употребить... несовременное аргю, проявили гнилую инициативу. Моя помощница... Ну, в общем...

Бородатый господин Зинченко оправдывался, что давалось ему с немалым трудом – как и «несовременное аргю». Ничего, вновь подумалось Петру Леонидовичу, привыкнет. И не такие привыкали.

– Предлагаю считать случившееся недоразумением.

Дипломатическая формула была сложена бородатым из слов-кубиков с натужной виртуозностью. «Козлы драные» звучали не в пример естественнее. Но Петр Леонидович не стал настаивать и усугублять тоже не стал. Грех излишне напрягать собеседника. Он и так «попал в непонятку» – если на современном аргю.

– Насколько я понял, господин Зинченко, парк отныне в вашей собственности?

В ответ донеслось нечто среднее между «м-м-м» и «угу». Кажется, чернобородый начал сомневаться в своих правах на парк. Если с обычным тиром такие проблемы, что начнется, скажем, на каруселях? Петр Леонидович улыбнулся и внезапно подобрел. Ничего страшного не случилось. Отставного разведчика Артура облили пивом, парк культуры и отдыха куплен бородатым уголовником... И что? В конце концов, господин Зинченко не самый худший из возможных вариантов. Этот сброд хорошо приручается.

Попробовать?

И вновь, не к месту и без повода, вспомнился мальчишка с библейским именем Даниил. Не иначе с его легкой руки день, начавшийся так скверно, завершается почти идиллически. Неплохо бы вновь увидеть стрелка-желторотика. Что-то в нем определенно есть. Определенно – и определено.

Знать бы, кем именно определено...

– Зайдемте в тир, Борис Григорьевич? – дружелюбно предложил старик. – Поскольку вы теперь, так сказать, собственник территории, вам скидка полагается.

С минуту бородатый переваривал «Бориса Григорьевича», затем шумно вздохнул.

– А-а? Да, конечно. Заодно выгоним... «хомячков». А скидка и на «минус первом» полагается? Да, Петр Леонидович?

– Полагается, полагается...

Значит, про «минус первый» бородатому успели объяснить. Только это или еще что-нибудь в придачу? Ладно, спешить некуда, узнаем.

– Кстати, насчет «хомячков», Борис Григорьевич. Тот, что шустрее – он в современном аргументе силен – по-моему, личность вполне... Терпеть, знаете ли, можно.

– Вот и все!

Петр Леонидович в последний раз полюбовался ровным строем мишеней, кинул укоризненный взгляд на строптивую «карусельку» и щелкнул выключателем.

– На ходу, работает, не заедает.

Про «карусельку» говорить не стал. Мишень заслуженная, с немалым стажем. Посетителям нравится. Чудит, конечно, но... С кем не бывает?

– А я тир только в шестнадцать увидел, – грустно сообщил бородатый. – Там, где я родился и вырос... Там стреляли не по мишеням. В Новосибирске в ремеслуху определили, в первое же воскресенье я пошел в парк...

Господин Зинченко замолчал. Старик не настаивал. Он и в самом деле подобрел. Процедура изгнания «хомячков» его даже позабавила.

– Как я понимаю, дохода все это не дает? Я имею в виду первый этаж?

– Никакого, – охотно согласился Петр Леонидович. – Говоря хоть по-старорежимному, хоть по-новомодному, я – банкрот. Почти как «МММ», не к ночи будь помянута. Да и раньше тир особой прибылью не славился.

– Поэтому финансировался по закрытой статье, – кивнул господин Зинченко, думая о чем-то своем. – Это я уже выяснил.

Старик на миг прикрыл глаза. Выяснил... Ни черта ты не выяснил, на то и закрытая она, статья. Но если помянешь «местные командировки», тогда и вправду – аут. Тебе – сразу, мне... Мне тоже, в бега не уйду, надоело.

Петр Леонидович чихнул и удивился. Пыль...

Откуда здесь столько пыли?

– Завтра к вам подойдет одна... «хомячка», – продолжил бородатый. – Та самая борзая помощница. Утрясете с ней разные мелочи. Она, недоделанная, фильмов штатовских насмотрелась. Захотела тут казино построить. Хоть бы спросила!

– Сквер возле площади Дзержинского тоже трогать не рекомендую, – не без сочувствия заметил старик, стараясь говорить ровно и твердо. – Тот, что рядом с военной академией. Вы ей намекайте, Борис Григорьевич.

– Сквер? – Господин Зинченко с недоумением моргнул. – А, там, где стратегический бункер? С этим проще, бункер мне давно в аренду предлагают. Так что, спустимся на «минус первый»?

Старик незаметно потянулся, гоня усталость.

– Охотно! С чего начать желаете? Ваш предшественник все больше FAL, чудо бельгийское предпочитал.

– Нет, не стоит. – Бородатый впервые улыбнулся. – Мне бы руку слегка размять. «Тэт-эшник», а лучше югославский «Z-10», если найдется. Ну и... посмотрю заодно. Петр Леонидович, что за ствол у вас? «Браунинг»?

Старик машинально провел рукой по пиджаку, где под парусиной пряталась самодельная кобура. Острый у гостя глаз, ничего не скажешь.

– «Люгер». По службе положено. Пойдемте, там сперва нужно кое-что отодвинуть. На «минус первый» по лестнице спускаются.

– А на «минус второй»?

Петр Леонидович успел повернуться, и тихий голос бородатого толкнул его прямо в спину.

Вот даже как?

– И на «минус второй». Всему свое время. Мы с вами никуда не торопимся, правда?

Голос звучал спокойно, уверенно, несмотря на пыль, забившую рот. Хотелось пить, но он помнил, что фляга пуста еще с вечера. Надо было наполнить утром, но они спешили...

3

Настроение в понедельник утром было странное. В голове – пустыня Гоби, хоть шаром покати, а в животе, наоборот, ворочается некий неопознанный объект. То ли предчувствие, то ли съеденный минуту назад бутерброд с сыром. Сыр отчетливо пахивал жженой резиной. Это Данька сообразил, когда дожевывал бутерброд. Или жженой резиной отдавало предчувствие? Кто его разберет...

«Что-то будет, что-то будет», – назойливо стучало в висках.

– Ты к контрольной подготовился? – крикнула из кухни мама.

– Ага! – соврал Данька. Соврал не вполне: химию он в субботу вечером честно пытался учить. Но от воскресного безумия все реакции с формулами вылетели из головы и наотрез отказались возвращаться обратно, в родную голубятню. – Все, ма, я пошел!

– Куртку застегни! На улице прохладно!

– Хорошо!

«Что-то будет... «Шайба» по контрольной будет, вот что! В лучшем случае трояк. А еще Жирный после вчерашней раздачи оклемается, долг требовать станет. Может и по морде дать. Артур в парке, а я здесь: лупи, не хочу...»

Однако в противовес нерадостным мыслям Данькой овладевало бодрое, чуть суматошное возбуждение. Выворачивая из-за угла гастронома к школе, он придержал шаг. Витязь на распутье: направо пойдешь – по роже получишь, налево пойдешь – «шайбу» схлопочешь, а прямо пойдешь – незнамо куда попадешь...

– Ну ты попал, Архангел! Попал конкретно!

Рядом образовался вездесущий Кошей, размахивая спортивной сумкой. Обожает, зараза, дурные новости разносить. Специально их собирает, всюду свой носиче сует, клюв грачинный – чтоб потом ведро дряни человеку на голову вывалить. Санька Белогрив его зимой классно

обломал: что, говорит, Кощеюшка, дерьма наклевался – теперь плюешься? Интересно, он Лильке тоже вместо комплиментов рассказывает, какая она тупая и манерная?

– Ну и как же я попал? – Безразличие в голосе далось с трудом.

– Не как, а на что! На бабки и звездюлину от Жирного.

Очень хотелось ответить: «Это мы еще посмотрим. Пока что Жирный сам звездюлей схлопотал!» Но Данька не решился. «Шестерка» Кощей мигом Жирному донесет. Только хуже будет.

– Станешь от стрелки косить, на счетчик поставят! Вовек не рассчитаешься...

Белки глаз у Кощея были нечистые, в кровавых прожилках. Небось ночами не спит, над золотом чахнет. Дядя Лева рассказывал, какое бывает «золото» и кто такие золотари. Совсем не ювелиры.

– Ну а ты-то чего радуешься? Думаешь, Жирный с тобой поделится?

– Да я ничего, – заюлил Кощей. – Я просто так...

Данька не поверил своему счастью. Но слово – не воробей, не вырубишь топором.

– Просто так – четвертак! Все, должен. Отдашь Жирному за меня.

– Да ты че, ты че! Гонишь, да? Стрелки переводишь?

Видя, что добыча ускользнула, Кощей отстал: заметил другую жертву и поспешил к ней с очередной порцией гадостей.

Около входа в четырехэтажное кирпичное здание школы, поставив ногу на первую ступеньку, Данька глянул в небо. В горних высях царил раздразни не меньший, чем у него в душе. Там, наверху, еще решали на общей планерке: каким быть сегодняшнему дню. Ключья грязно-сиреневых облаков, разметанные ветром по утренней голубизне, медлили, размышляя: собраться в грозовую тучу или убратся восвояси подобру-поздорову. Из-за домов выглянул краешек солнца, стрельнул острыми лучами, отразившись в оконных стеклах и на миг ослепив Даньку.

– Чего тормозишь? – толкнули его в спину. – Топаи!

Первым уроком была алгебра.

Сей предмет в лице его пророка – математика Антона Вадимовича по кличке «Водолаз» – властно взял Даньку за шкирку. В фигуральном смысле слова, разумеется. На сорок пять минут пришлось забыть о предчувствиях, тирах, долгах, физиономиях битых и еще целых, а главное – о предстоящей контрольной по химии. Водолаз предмет знал отменно и умел заставить себя слушать. Он стремительно покрывал доску рядами уравнений со степенями, дробями и квадратными корнями, от которых рябило в глазах, потом начинал расхаживать по классу и вещать, сверкая огромными круглыми очками и время от времени по-птичьи склоняя голову к плечу.

Голова учителя казалась огромной из-за плотной шапки курчавых волос. Вместе с очками – ни дать ни взять водолазный шлем. За что математик и получил свое прозвище. Уравнения с доски Водолаз стирал неожиданно, без предупреждения, поэтому зевать не следовало. Да и пояснения стоило мотать на ус: у Антона Вадимовича все выходило куда понятнее, чем в учебнике.

– ...Таким образом, разложение многочлена на множители...

– Гы!

– Для юмористов повторяю: разложение многочлена на множители...

– Гы!

Разумеется, это был конопатый Фофан. Отморозок и разгильдяй, он мог нахально встать посреди урока, басом объявить: «Организм требует никотина!» – и прошесть в туалет на перекур.

Но с Водолазом такие номера не проходили.

– Встаньте, Феофанов.

Фофан лениво поднялся, с наглой ухмылкой глядя на математика.

– Если вы лучше меня знаете, как разложить многочлен на множители, – идите к доске и продемонстрируйте всем, как это делается.

Сдавленный смешок белокурой Лильки: красавица никогда не упускала случая подлизаться к Водолазу. Иного способа выучить алгебру она не знала.

– Что же вы мнетесь, Феофанов? Не знаете? Или вы думаете, что многочлен – это то, чего у вас попросту нет, чтобы его разложить на всеобщее обозрение?

Класс грохнул. Красный как рак Фофан пытался огрызнуться, но его слова тонули в общем хохоте.

– Все. Посмеялись – и хватит. Прискорбно, что подобную реакцию у вас, дамы и господа, вызывают только шутки ниже пояса. Садитесь, Феофанов, и записывайте. А будете и дальше гыгыкать – пойдете вон из класса. Итак...

Данька покосился на соседку по парте – отличницу Лерку Мохович. Та сидела прямо, с гордо выпрямленной спиной, и смотрела на доску с уравнениями. Уголки ее губ едва заметно подрагивали: Лерка из всех сил старалась не смеяться. Классная девчонка. И списать даст, если надо, и не закладывает, если кто стекло разбил или доску парафином намазал. И фигура у нее... Данька почувствовал, что краснеет, и склонился над тетрадью, спеша переписать все с доски, пока Водолаз не стер.

Девчонок он стеснялся. Когда приятели рассказывали, кто с кем зажимается, а Фофан хвастался, что целый год трахает одну, Данька стыдливо отмалчивался. Эх, подкатиться бы к Лерке поближе! – для начала домой проводить, потом в кино или на дискотеку, а там... Однако на финальном «а там...» эротические фантазии давали сбой. Да и с «подкатиться» дело шло туго: уже почти решившись, Данька в последний момент робел и никаких практических шагов к сближению с Леркой не предпринимал.

Звонок.

«Следующая – химия. Контрольная».

Очень захотелось в сортир. Неужели он так боится какой-то несчастной двойки?! Ерунда! Подумаешь! Может, обойдется: спишем или химичка заболеет... Но упрямый живот на доводы рассудка не поддавался, а ноги сами несли тело в нужном направлении.

Ноги часто заносят тело куда не следует.

Они ждали его на выходе, в курилке-предбаннике. Жирный и еще двое. Именно ждали: Данька был в этом уверен. Когда он заходил внутрь, в курилке дымил один Фофан. Выследили, подкараулили... Слову «сортир», заменяющему всем известный туалет, Даньку научил отец. Вместе с шуткой: «Превратим мы наш сортир в бастион борьбы за мир!» Шутка сейчас показалась совершенно несмешной, а сортир превратился в такой тир, где по неудачникам стреляют мерзко пахнущим сором. Без промаха и пощады.

– Привет, Архангел.

Жирный протянул потную лапу. Он никогда раньше не здоровался с Данькой за руку. Что происходит?! Сейчас ошибешься – выйдет «не по понятиям», и окажешься должен вдвойне.

– Привет.

Рукопожатие вышло крепким. Хотя сердце проглоченной лягушкой колотилось не в груди, а ниже, в желудке. Данька надеялся, что это незаметно со стороны. Он отступил к окну, забранному поперечной решеткой: ржавой, гнутой. В спину больно уперлось ребро высокого подоконника.

Из окна тянуло сквозняком.

– А круто вчера тот мужик нас отметелил! – со странным удовольствием, чуть растягивая слова, сообщил Жирный.

На скуле у него красовался роскошный фингал: иссиня-черный, с лиловым отливом по краям. Кожа на щеке была содрана и намазана йодом. Вдобавок на лбу переливалась всеми цветами радуги изрядная шишка: словно у Жирного начал проклевываться рог.

– Курить будешь?

Он достал из кармана открытую пачку «Monte-Carlo».

Вообще Данька не курил. Так, баловался изредка, за компанию. Но в данной ситуации отказываться не следовало. Он взял сигарету. Прикурил от спички Фофана. Осторожно затянулся – не дай бог закашляться, вызвав град насмешек. Сигарета оказалась на удивление крепкой, хотя и ароматной. Кашель удалось сдержать с трудом.

– Спасибо.

– С сигарным табаком, – похвастался Жирный. – Любимые сигареты колумбийской мафии!

Какие сигареты курит колумбийская мафия, Данька понятия не имел, да и Жирному это вряд ли было доподлинно известно. Но он счел неуместным подвергать слова Жирного сомнению.

– Классные сигареты. Ароматные такие...

– О! Рубишь фишку. – Жирный расплылся в улыбке. При нынешней «боевой раскраске» он выглядел комично. – А тот мужик «афганцем» оказался. Десантура. Шиндант, Анардара, Джелалабад. Я у пацанов поспрошал, они в курсе. «Афганцы» на промедоле сидят. И дурь смоят. Если б у него планка упала, мог вообще всех нас замочить: и меня, и тебя. Голыми руками. Считай, легко отделались.

– Ну... – дипломатично заметил Данька, соображая, что во вчерашней драке он удивительным образом сумел оказаться на стороне Жирного.

Мужик, оказывается, нас отметелил. Мужик, выходит, с упавшей планкой мог вообще всех нас замочить. А мы легко отделались.

– Никогда не знаешь, на кого нарвешься.

– Это точно. Слышь, Архангел, насчет долга...

В туалет вошел Кощей. Сделал вид, что пристраивается к писсуару, но под тяжелым взглядом Жирного передумал и пулей выскочил наружу, забыв застегнуть ширинку.

– На «просто так» ты купился, как последний лох, в натуре. Ничего, в другой раз знать будешь. Только за уроки платить надо, верно?

Данька промолчал. Нервно затянулся, стараясь не отводить глаз.

– Четвертак я тебе прощаю – помни мою щедрость. Мог бы и снять. А за науку с тебя бутылка пива. Добазарились?

– Ага, – выдохнул Данька, еще не веря, что все складывается столь удачно. И рожу не начистят, и вместо «капустного четвертака» отдавать придется дешевое пиво.

– Сегодня после школы купишь. «Кирюшу-1» бери. Он вставляет круче.

Прикинув, что карманных денег на пиво вполне хватит, Данька кивнул.

– После школы – сделаю.

– Молоток, – сам того не зная, повторил Жирный похвалу деда-тирщика. – Значит, в три на «сходняке», где в деберц катали. Туда принесешь.

– Заметано. – Данька еще раз пожал руку Жирного, скрепляя уговор.

На контрольную по химии он летел как на крыльях, распространяя вокруг ядерный дух «любимых сигарет колумбийской мафии».

Химичка Веранда – так остроумный Санька Белогрив сократил «Веру Андреевну» – времени зря не теряла. На доске уже были расписаны задания обоих вариантов контрольной.

Варианты – это плохо: у Лерки списать не удастся. Придется выкручиваться самому. Сунуть в парту учебник, а потом незаметно... Ага, разогнался! У Веранды глаз – алмаз. В про-

шлом году она Сливу, гроссмейстера по списыванию, сделала как маленького. Зря ты, братец, поленился «шпоры» сделать. Впрочем, у Веранды и «шпоры» редко проходят. Данька вздохнул и обреченно переписал с доски на листик первый вопрос.

Кислые, основные и средние соли. Чем отличаются.

Примеры. Названия.

Формулы.

В голове что-то смутно брезжило, подобно рассветной мгле, подсвеченной из-за горизонта. Но солнце всходить решительно отказывалось. Химичка бдила, прохаживалась между рядами: об учебнике нечего и думать.

Данька робко накорябал пару формул. Одну, подумав, зачеркнул. Написал по-другому. Получилось ничуть не более убедительно. Вспомнил мудреное название: гидрокарбонат натрия. Немедленно записал, пока из головы не вылетело. Название вроде бы соответствовало первой формуле, в которой он был относительно уверен. Это, кажется, кислая соль. Вот, атом водорода присутствует.

Может, «шайба» пролетит мимо?

Окрыленный успехом, он вывел на листке еще пару формул с ОН-группами, логично решив, что раз с водородом соли кислые, значит, с ОН-группой – основные. Все, хватит. Пора переходить ко второму вопросу.

Словосочетание «электрохимический ряд напряжений» повергло его в тихий ужас. В этой теме он не то что «плавал» – сразу шел на дно как утюг.

Скрипнула дверь.

– Вера Андреевна, можно вас на минутку?

Завуч. Полундра, то бишь Полина Андреевна. Колобок в цветной глазури: багровый бутон жирно намазанных губ, румяна, тени, ресницы топорщатся дикобразными иглами. В ушах сверкают золотые обручи «хула-хупы». На жирных телесах – зеленый костюм из кримплена. У завучихи есть второй, точно такой же, только лиловый. Ни в чем другом ее в школе ни разу не видели. Из-за спины Полундры выглядывала Наташка Палий из 11-го «Б», про которую Кощей любил рассказывать всякие похабные истории.

Высокая химичка, подойдя к двери, склонилась к низенькой завучихе, и Полундра жарко зашептала Веранде на ухо. Данька поймал себя на том, что смотрит на обеих, сощулив левый глаз: будто в прорезь целика. Вспомнилась мишень в тире: долговязая жирафа.

«Бах!» – шепнул он.

Вера Андреевна внезапно побледнела: о таком Данька раньше только в книжках читал. Из тщательно уложенной прически выбился светлый локон, свесился, щекоча химичке щеку. Но Веранда, аккуратистка до мозга костей, не заметила этого вопиющего безобразия.

Взорвись сейчас шкаф с реактивами – пожалуй, она бы и этого не заметила.

– ...вы идите, идите, Наташа тут за вас посидит, – долетел от двери голос завуча.

Химичка взяла себя в руки. Обернулась к классу: прямая, бледная, строгая. Отрешенная. А губы у нее дрожат, подумал Данька. Едва заметно, но дрожат.

«Мы сейчас жирафу валить станем», – сказал издалека дед-тирщик, натягивая кепку поглубже. И сменщик Артур, «афганец», круто отметеливший нас, с равнодушием ответил: «Саф-фари, блин...»

– Мне надо срочно уйти. Вместо меня в классе будет присутствовать... Наталья. Я вас прошу, Наталья, следите, чтоб не списывали. А вас прошу вести себя по-человечески. До свиданья.

Химичка с завучем исчезли за дверью. Наташка уселась на учительское место и напустила на себя важный вид. Кто-то хмыкнул. Все! Чудо свершилось! Рука нащупала в портфеле спасательный круг – вернее, спасательный прямоугольник. Учебник.

– Ганча, ты уже эту хрень написал? – через полминуты громко заинтересовался Фофан.

- Последний вопрос заканчиваю.
- Закончишь – дашь скатать.
- Феофанов! – хлопнула журналом по столу Наташка, подражая географичке Жучке.
- Я! – Фофан вскочил и замер по стойке «смирно» с выпученными глазами.
- Прекрати паясничать. Сядь и пиши ответы. И не вздумай списывать – я все вижу!
- Слушаюсь и повинуюсь, вашвысокогрудие! Ганча, заканчивай быстрее. А то не успею.
- Феофанов!..

А грудь у Наташки действительно... вон, из-под платья выпирает...

Не отвлекаться!

Учебник лежал на коленях, и Данька лихорадочно листал страницы, отыскивая нужный параграф. Наташка, конечно, не Веранда, но наглеть, выкладывая учебник на парту и списывая в открытую, не стоит. Ага, вот они, типы солей. Электрохимический ряд напряжений, реакции... Поехали! Наташка пускай с Фофаном лається: пока она занята конопатым балбесом, ни до чего другого ей дела нет.

Снова скрипнула дверь. Данька дернулся, но это оказалась не Веранда и не Полундра. В класс заглянул Павло Дубинчак из 11-го «А». По идее, к нему давно и прочно должна была прилипнуть кличка «Дуб» или «Дубина», но не прилипла по веской причине. Павло Дубинчак занимался вольной борьбой на «Динамо». Третье место на первенстве области, «серебро» на турнире имени Ованеса Саакяна. Говорили, к Новому году на каэмэса сдать должен. Девчонки на него вешались пачками. И Наташка – не исключение.

Павло заговорщицки подмигнул классу, а затем поманил Наташку: выйди, мол. Наташка поколебалась – и сдалась.

- Сидите тихо и не списывайте! – строго заявила она, вставая и одергивая юбку.
- Гы! Училку из себя строит!
- Ну ты у меня... Я еще вернусь!
- Боюсь-боюсь! Терминатор! Айл би бэк!

Павло зевнул и показал Фофану кулак. Скучный и увесистый, как чугунная «баба» для забивания свай. Конопатый мигом заткнулся, демонстрируя жестах и покаянной гримасой: «Молчу-молчу, был неправ!» А Наташка, виляя задом, вышла в коридор.

– На чердак пошли, зажиматься! – зашептал на весь класс Кощей.

– Эх, Наташа, три рубля – и наша! – фальшиво пропел Фофан. Выждав, правда, с минуту, чтоб уж точно не услышал Наташкин хахаль. Похоже, вчерашняя драка в парке сделала Фофана осторожней обычного.

В классе зашумели, передавая друг другу листки со сделанной контрольной. Но Данька в общей суете не участвовал. Выложив учебник на парту, он сосредоточенно списывал под понимающе-снисходительным взглядом Лерки Мохович.

Очень хотелось, передрав последнюю реакцию, пририсовать внизу жирафу вверх ногами.

4

Не-Король Артур маялся – то ли хандрил, то ли просто мечтал о бутылке темного пива. Гора шелухи от семечек посреди стола свидетельствовала об этом со всей возможной наглядностью. Облегченный вздох, услышанный Петром Леонидовичем, лишь подкрепил справедливость данного несложного умозаключения.

Прежде чем повернуть налево, в обжитую за долгие годы каморку, старик бросил привычный взгляд на ряды мишеней. Мельница крутится, карусель не саботирует, свободные места заняты фрейшюцами. Что должно гореть – горит, двигаться – движется. После местной командировки, которая среди своих именуется «целевым выездом», приятно убедиться, что жизнь идет дальше. Что она, несмотря на отдельные недоработки, прекрасна...

– Дядя Петя-я-я!

Голос Артура вернул старика к действительности. Да, слегка задержался, есть грех. Всего на пять минут, но точность – вежливость не одних королей. Тирменов – тоже.

– Свободен! – объявил он, появляясь в дверях. – Беги, сержант.

– Есть!

Артур вскочил, готовясь набрать космическую скорость, причем не первую – сразу третью. Но внезапно замер, после чего решительно ткнул себя пальцем в лоб.

– Ск-клероз, блин. Плавно п-переходящий в маразм. П-предложение имеется. Давай я этих г-герлов выкину – и свои фотки п-принесу. Афганские.

Оба поглядели на стену, где над столом красовалась фотогалерея, созданная совместными усилиями. Упомянутые «герлы» появились год назад не без помощи переменчивого Артура.

– Вроде к-как преемственность п-поколений, – пояснил намерения бывший сержант. – Чтобы знали, шкуры т-тыловые.

– А сверху объявление: «Вас обслуживает ЧП «Ветеринар», – хмыкнул старик. – Есть контрпредложение: обещать все девками. В современном духе. А самим перейти на нелегалку. Бороды отпустим...

– Фиг им в-всем! – Артур шутки не понял и не принял. – Знаешь, дядя Петя, п-про нас, «афганцев», разное молотят. Психи, блин, ненормальные, кровь по ночам душит, в Афгане младенцев штыками кололи... Г-гады! Хот-тят, чтобы прятались мы, п-по углам т-темным сидели. Не, на н-нелегалку не перейду! И фотки п-принесу, пусть смотрят!..

Он шагнул вперед, как на амбразуру. Рука потянулась к первой из глянцевого красавиц.

– Не спеши! – Петр Леонидович вздохнул, понимая, что не убедит и отговорить не сможет. – Чем Настасья Кински виновата? Фотографии неси, если хочешь, разместим, места хватит.

– Ладно, – неохотно согласился Артур. – Рядом с т-твоими повесим. А Кински – в сторону, п-подальше... Слушай, п-про танк ты рассказывал, помню. А эт-та?

Он дернул небритым подбородком, пытаясь указать направление.

– Эта – редкая. Август 41-го, возле Смоленска. Мы из окружения вышли, и к нам Константин Симонов приехал. А при нем – корреспондент. Фамилия смешная: Трошкин. Он и снимал.

– Сам С-симонов? Который фильм «Живые и мертвые»? – восхитился бывший сержант. – Ух т-ты!

Петр Леонидович улыбнулся.

– Это сейчас он – Симонов. А тогда... Прикатил молодой да шустрый, а полк только-только очередную атаку отбил. Не до интервью было. Ну, он понял, стал стихи читать, мы и отмякли. Хорошие у него стихи. Жаль, их сейчас забыли!

– Значит, ты, дядя П-петя, с сорок первого воевал? Да т-ты герой!

– Значит, – старик поморщился. – Герой... Интендантский лейтенант, прости господи! Портянка налево, портянка направо...

– Только не надо про портянки, Кондратьев! – Лейтенант Карамышев зло дернул щекой. – Знаю я, какими портянками ты занимался. И в корпусе, и раньше, в Коврове. Ох, не достал я тебя до всей этой заварухи, больно верткий ты!

– Не шуми. – Петр осторожно выглянул из-за дерева, прислушался. В лесу было тихо, но он уже знал, чего стоит лесная тишина. – Не достал, говоришь? Можешь сейчас попробовать, первым не выстрелю.

Он отвернулся, чтобы не смотреть на лежавшую в траве «СВТ». После того, что случилось полчаса назад, больше всего хотелось заснуть – прямо здесь, на краю маленькой поляны.

А еще хотелось пить, но он помнил: фляга пуста с вечера. Надо было наполнить утром, но они спешили, да и вода во встреченном колодце не понравилась. Мутная, горькая, в пятнах бензина.

Кто мог погубить колодец? Немцы?

На мотоциклистов наткнулись по глупости: на узкой лесной просеке, лоб в лоб. На разведку вышли с рассветом, устали, расслабились. Тихий лес, пустая дорога, ни души вокруг. Петр успел крикнуть, пытаясь предупредить, но очереди ударили в упор, сметая бойцов. Они с Карамышевым уцелели – двое из десяти.

– Дурак ты, Кондратьев! – с чувством выговорил лейтенант. – Делать нам больше нечего, как друг по дружке стрелять. Там, в селе, полторы сотни бойцов, и ни одного командира, кроме нас с тобой. Мы их должны к своим через фронт вывести. И выведем. Ты выведешь!

– Почему – я?

Петр прикрыл глаза, чувствуя, что вот-вот заснет. Нельзя, ни в коем случае нельзя... Его неудержимо тянуло туда, в темную пропасть, где можно ни о чем не думать, не вспоминать.

«Ты знаешь, кто я? Я – твой друг».

– Эй! – Резкий окрик энкавэдэшника заставил вздрогнуть. – Не спи, трибунал проспишь! Спросил, значит, ответ выслушай. Выведешь нас потому, что, во-первых, ты старший по званию, товарищ техник-интендант 1-го ранга. А во-вторых... Везучий ты, Кондратьев. Вот и поделись везением. Авось зачтется!

– Не зачтется.

Петр мотнул головой, заставил себя встать, вдохнуть горячий летний воздух, выбивая заполнившую горло пыль. Нагнулся, поднял «Токаревку», прикинул, сколько осталось патронов.

– Не зачтется, лейтенант. Ладно, пошли!

Над головой сомкнулись зеленые кроны. Легкий ветер обвеивал разгоряченные лица, но треклятая пыль не желала исчезать. Она была, казалось, всюду – на траве, в воздухе, на потрескавшихся губах...

11-й механизированный корпус генерала Мостовенко, куда Петр попал в феврале, перестал существовать незаметно, сам собой. Сначала, после того как их подняли по тревоге, они ехали по разбитым проселкам – не на запад, откуда ждали врага, а на юг. Затем повернули обратно, затем... Начались бомбежки. Кондратьев увидел первые брошенные танки – не подбитые, не поврежденные, просто брошенные, с топливом и с полным, нерасстрелянным боезапасом. Три дня назад незнакомый полковник отдал приказ уничтожить уцелевшую технику и уходить на восток мелкими группами. Сутки шли в составе батальона, но оказалось, что батальона тоже нет, нет командира, нет заместителя по политчасти... Командир исчез с концами, а вот куда делся батальонный комиссар, Петр заметить успел – и удивился, где товарищ Могилай умудрился раздобыть приличный штатский костюм.

Не иначе на горбу волок или ординарца приспособил.

Все эти дни Кондратьев оставался спокоен – странным, «стеклянным» спокойствием. Словно происходящее никак его не касалось и коснуться не могло. Именно сейчас он даже не понял – нутром прочувствовал, что волноваться незачем. Мене, мене, текел, упарсин. Чему должно случиться, непременно случится. Лично с ним, с увязавшимся следом лейтенантом-особистом, взявшим подозрительного техника-интенданта «на карандаш»...

– Ты сказал, не зачтется, Кондратьев. Почему?

Оказывается, лейтенант не пропустил случайно вырвавшиеся слова мимо ушей. Петр покосился в его сторону. Промолчать? А, собственно, зачем?

– Для тех, кто в Москве, мы – мертвые. Или предатели, что еще хуже. Это, как ты говоришь, во-первых. А во-вторых... Ты, лейтенант, в рай попасть надеешься?

Ждал, что возразит Карамышев, спорить станет. Не возразил, иное сказал.

– Я думал, ты, Кондратьев, сразу к немцам перебежишь. Не потому что шпион – не шпион ты. А вот не наш, и все тут. Мы ведь проверили... И про семью твою, и почему фамилию чужую носишь, и отчество чужое. И как на Ковровский завод попал, чьими молитвами.

Петр глядел на лейтенанта не без интереса. С фамилией просто – в автобиографии целый абзац писать приходилось, объяснять про героического опера Кондратьева. А с отчеством...

Молодец чекист!

– И где стрелять научился. Я, между прочим, девяносто из ста выбиваю, но чтобы так... Ты же вроде не из кадровых? И на гражданке в «ворошиловских стрелках» не числился.

Кондратьев пожал плечами. Он и сам удивился. Не меткости, другому. В первые секунды боя – расстрела? – он не решался поднять головы. Но вскоре рука, словно обладая собственной волей, передернула затвор винтовки.

Приподнялся, вскинул «СВТ»...

Ему хватило двух магазинов – почти в упор.

– Почему не арестовали?

– Честно сказать?

Остановились одновременно. Встали лицом к лицу. Петр подумал и аккуратно опустил оружие на траву. Стрелять не придется.

– Если честно, я не дал. Отложил папку с материалом на другой конец стола, а сверху чужой папкой накрыл. Цени, товарищ техник-интендант! Только я не по доброте душевной, не думай.

– Я и не думаю. Предупредили, значит?

Карамышев вновь дернул щекой. Но ответил легко, с улыбкой:

– Должны были? Правильно, выходит, я тебя понял, Кондратьев! Нет, не предупреждали, своим умом дошел. Ведь чего получается? Если верить филькиной грамоте, что у тебя в документах вместо автобиографии лежит, ты не просто в сорочке родился. Не бывает таких везучих, Кондратьев! Никакие Абвер с Сигуранцей тебя не прикроют: не смогут. А поскольку в рай я точно не попаду... Не попаду, верно?

– Не попадешь, – кивнул Петр, стараясь говорить без нажима.

Если бы к нему приставили обычного дурака-костолома... Но рядом оказался человек с нюхом: Карамышев.

– Не попадешь, – повторил он. – Даже если я за тебя заступлюсь. И я не попаду. Ясно?

– Ясно...

Лейтенант почесал в затылке, вздохнул:

– Я вначале думал: на банду вражин недобитых вышел. Дворянское кубло, заговор, мать его ити! Ладно, выживем – потолкуем. И насчет предателей Родины разберемся! Считаю, Кондратьев, поговорили мы с тобой. И забыли до поры. Возвращаемся, строим личный состав – и вперед, пока к своим не выйдем. Ты – старшой. Понял?

Петр взял с травы самозарядку, закинул ремень на плечо, сглотнул.

Чертова пыль!

– Ага, понял. А в плен не хочешь, лейтенант? Говорят, таких, как ты, сразу в гестапо берут – консультантами. Станешь привычным делом заниматься.

Глаза Карамышева потемнели, сжались губы.

– Проверяешь? Нет, не хочу. Не из сознательности, не думай. Кончилась моя сознательность давным-давно. Пятый пункт подгулял, аккурат по линии матушки. Эсфирь Соломоновна она у меня. Не помилуют арийцы. Ответил?

Они зашагали дальше, в глубь тихого, странно молчаливого леса.

Через много лет, читая мемуары уцелевших в том далеком июне, Петр Леонидович узнал, насколько им повезло. Прежде всего, они сумели выйти к своим, проплутав глухими лесными тропами до самого августа. Тех, кто вышел первыми, не разбираясь, определили кого в дезер-

тиры-паникеры, кого – в шпионы. После ареста командующего фронтом Павлова гребли подряд: частым гребнем, кто попал под горячую руку.

Они не попали. Сборный отряд из остатков механизированного корпуса вместе с прикнувшими к нему одиночками из соседних частей – разбитых, рассеянных по белорусским лесам, – прорвался через линию фронта после сдачи Смоленска. Разбираться стало некогда, каждый штык был на счету. Им оставили оружие, вернули в строй и даже обещали наградить.

Повезло и в ином. Две немецкие танковые группы, рвавшие по шоссе на восток, попросту не обращали внимания на то, что происходит за кромкой леса. Окруженцы могли идти спокойно, первое время – днем, при свете солнца. Через три недели по следам «боевой группы Интенданта» (как называли их отряд в немецких документах) бросили кавалерийскую бригаду СС. Но ситуация изменилась. Страх прошел, исчезла растерянность. Те, кто хотел сражаться, кто не спрятался в ближайшем селе и не сдался в плен, начали свою войну.

За уничтожение «боевой группы Интенданта» командир эсэсовской бригады Герман Фегелейн был представлен к ордену – и в должное время награжден. За вывод из окружения остатков мехкорпуса техник-интендант 1-го ранга Петр Кондратьев тоже был представлен к ордену, но награды не дождался. О чем, впрочем, не жалел и не вспоминал. О собственном везении, увы, вспоминать приходилось. Хотя бы потому, что находились желающие напомнить.

Напомнили через неполный месяц. Судьба, исчислявшая, взвешивавшая и делившая, на миг отвела руку свою.

А лейтенант Карамышев не отвел. Наоборот, что есть силы ударил кулаком по стене.

– Сволочи! Я же писал, мне обещали!

Военинженер 3-го ранга Петр Кондратьев лишь усмехнулся. Грешно смеяться в такой ситуации, но отчаяние наглое, уверенного в себе энкавэдэшника позабавило.

– Они что, не понимают? – Карамышев скривился, без всякой надежды поглядел в маленькое окошко, прорезанное в бревенчатой стене, и присел прямо на пол. Ни стула, ни нар, воспетых в арестантских песнях, им не полагалось.

Петлицы не сорвали, документы оставили. Просто забрали табельные пистолеты и заперли.

– Мы с оружием вышли, Кондратьев! С оружием, с партбилетами, в полном порядке. С боем вышли! А главное, успел я позвонить кому надо. И написать!..

Петр пожал плечами. Да, не слишком логично. Проверили, признали героями, поблагодарили, отправили на передовую. Он успел получить очередное звание, новые петлицы нашить.

– Все из-за тебя, Кондратьев! – Палец лейтенанта выпятился стволом, указывая прямо в грудь. – Так и чуял: докопаются!

– До чего? – невозмутимо поинтересовался Петр. – Я агент? Японо-чешский? Ты хоть подскажи, в чем мне признаваться. В немецкие шпионы не хочу – не по сезону.

Энкавэдист хотел ответить бранью, от души, но сдержался. Сделал глубокий вдох, потянулся, зевнул:

– Один хрен, хоть в парагвайские. Если нас твои не выручат – амба, с концами. Или я не знаю, как дела шьются? Насмотрелся, наслушался. Все шпионы, на всех материал собрать можно. А если нельзя, тоже не беда. Сам, вражина, признается. У нас натуральные умники есть, они всемирный заговор выдумали. Представляешь, Кондратьев? Всемирный! Это, значит, центр всепланетный, резидентуры на каждом континенте, включая Антарктиду...

– Ты про Коминтерн?

Карамышев сплюнул под ноги.

– Не надо контрреволюцию приплетать! Фигня этот Коминтерн, миллиарды рублей извели, а пользы – на копейку. О другом речь. Я в заговор всемирный, может, и поверил бы. Почему нет? Тут две трудности: время и связь. А если времени – вагон, если заговор не за

пятилетку устраивать, а за десять? И связь пустить по легальным каналам? Так любая грамотная разведка поступает...

– Коминтерн не нравится? Есть еще жидомасоны. Слыхал?

– Слыхал? – хмыкнул лейтенант. – Вязал я твоих масонов! Пошли по 58-й через 11-ю как миленькие. Болтуны из «бывших», перечницы старые. Между прочим, никаких «жидо», сплошные черносотенцы. Ты меня, Кондратьев, не сбивай. Вот, скажем, мировая война. Сколько лет ее готовить нужно? При чем никто ее, мировую, толком не хотел, даже Гитлер-сволочь, даже наши умники. Оторвать чего у соседей – да, руки погреть – да, но чтобы мировая? Значит, не они распоряжались, а ими кто-то командовал! Представь, Кондратьев, иду я по лесу, вижу избушку. Чего я подумать должен? Что бревна сами собой из стволов древесных образовались, в одно место прикатились, а потом доброй волей построились?

– Это ты к чему? – не выдержал Петр, видя, что разговор начат неспроста.

– К чему? – Энкавэдист моргнул. – К тебе, Кондратьев. Прикрывают тебя, по-серьезному. Считай, с самого твоего детства. Сколько за два месяца наших сгинуло? Целые армии костями легли! А мы вышли почти без потерь, даже когда по минному полю топтать пришлось. С тобой вышли, не ошибся я, Кондратьев. Так давай и дальше, старайся. Я пролетарскую пулю не за хрен собачий лопать не желаю. И тебе, честно говоря, не советую. Своим сообщил – или они без подсказки знают?

Петр покачал головой, не спеша с ответом. Искренне говорил лейтенант или играл хорошо знакомую роль «подсадного», стало ясно: с ним, с новоиспеченным военинженером 3-го ранга, решили разобраться всерьез. «Они» не столь глупы. Нет, иначе: «они» умны, очень умны, особенно если дело коснется чего-то по-настоящему важного.

– Молчишь? – Карамышев встал, повертел шеей, разминая мускулы, шагнул ближе. – Смекаешь, от себя говорю или на особый отдел стараюсь? Какая тебе, к шуту, разница? Ты меня отсюда вытащи. Мне при любом раскладе скидки не будет, даже если тебя под исключительную меру подведу. И без меня у них материала – под завязку. Тебя о чем расспрашивали? О детстве и о родителях? Правильно?

Петр молча согласился: правильно. Следователи взялись за дело основательно.

– А ты что думал? Ни отчества, ни фамилии, одно имя. Ясно, из «бывших». Но зачем фамилию скрываешь? Ты – Романов? Или, может, Корнилов?

– Я болел «испанкой», – равнодушным тоном отозвался военинженер. – Осложнение, еле выжил. Мне в 19-м четыре года было.

– Но про четыре года помнишь! И про «испанку», и про имя свое. А место рождения почему-то забыл. Ты ведь не питерский, да? Отчего в Питере оказался? Кто тебя с опером Кондратьевым свел? Сам Сергей Иванович Кондратьев, не кто-нибудь... Он Леньку Пантелева достал!

– Он и свел, – улыбнулся Петр, – Ленька Пантелеев. Старший уполномоченный ВЧК Леонид Семенович Пантелкин, твой коллега.

– Брось! – Лейтенант сглотнул. – Сам Пантелеев... Ну ты даешь! Ох, Кондратьев, плакал мой орден! Да что там орден! Я бы на твоём деле майором стал. А теперь перед тобой, недобитком, унижаться приходится... На завод в Коврове тебя не Ленька Пантелеев, случаем, устроил?

– Там нужен был бухгалтер. Я как раз институт закончил.

– Закончил он! В Харькове закончил, а посылают в Ковров. Не на мясокомбинат, не в пекарню – на завод Мадсена, лучший в стране. А там на выходе наши самозарядные винтовки, да?

Петр поглядел собеседнику в переносицу, будто целился.

– И ручные пулеметы тоже. Только с пулеметами ничего не получается. Стрелял из «Дегтярева»? Дрянный пулемет, правда? Были проекты получше, Сергея Гавриловича Симонова, к примеру. Но ведь мы с тобой, кажется, сошлись на том, что я – не шпион?

– Угу. Шпион из тебя, Кондратьев...

Энкавэдист с омерзением провел рукой по бревенчатой стене. Подошел к двери, легко ударил в нее носком давно не чищенного ялового сапога.

– Шпион из тебя, Кондратьев, как, извини, из дерьма пуля. В темноте увидишь – не спутаешь, какого цвета у тебя кость.

– Бороду отрастить?

Проведя рукой по щетине на подбородке, Петр рассмеялся, представив себя бородачом.

– Бороду? – Лейтенант тоже хихикнул, но внезапно стал серьезным, задумался. – Нет, бороду не стоит. Волосы постриги: уродливее, лучше под «ежик». И... Точно! Усы отрасти, как у Буденного. Пугалом станешь – не описать. А главное, люди будут на усы смотреть, а не на лицо. Понял?

Петр вновь коснулся подбородка, провел ладонью по верхней губе. Усы, как у Буденного? Может, еще и шапку казачью – с красным верхом, каракулевой опушкой? Ужас! Нет, не ужас – мажор!

– А главное, речь. Ты, Кондратьев, чтоб умственность свою не показывать, каждый раз представляй, что разговариваешь с психическим больным. Который слов не понимает. Медленно говори, выражения попроще подбирай. Привычку заведи народную: самокрутки верти или семечки лузгай. Только не забудь на пол сплевывать! И походку тебе надо подобрать подходящую, а то вышагиваешь, ровно гвардеец-семеновец. Ногу сломать, что ли? Пока заживет, привыкнешь шкандыбать... Понял? Я в спецшколе по маскировке первым был, цени!

– Ценю.

Встав у забитого крест-накрест окошка, Петр сощурился, уставясь вверх, в голубые проблиски далекого неба.

– Не волшебник я, лейтенант. И масоны мне не помогают. Даже Коминтерн, и тот не слишком. Если тебя вся твоя адская контора выручить не может... Почему ты решил, что мой Ад твоего сильнее?

– Поэт, прости господи! – Карамышев скривил рот. – Пушкин-Маяковский! Ты, Кондратьев, мне про Ад-Рай песни не пой. Наслушался, когда попов в Магадан отправлял. Я верующий, между прочим. Только вот что интересно, а? Батюшек в карцере морил, показания выбивал и все ждал: не выдержит Он – вступится. Молнией убьет, белогвардейца с бомбой пришлет по мою душу грешную. А хрен тебе – утерся Вседержитель, и весь разговор. Так в кого верить, а? Подскажи, Кондратьев! Нет, лучше не говори, крепче спать буду. Ты своим передай, чтобы нас выручили. И конец разговору!

Они стояли друг напротив друга, как тогда, после боя с немецкими мотоциклистами.

– Я не шучу, Кондратьев. И знай – если не выручишь, завтра такую сказку расскажу, что тебя до ближайшего кювета тащить не захотят. Усек? Урки, социально близкие, говорят: «Жадные долго не живут!» Не жадничай, поделись!

– Я не жадный.

Глядя в безумные, подернутые страхом и ненавистью глаза энкавэдиста, Петр понимал: выхода нет и не будет. Он не убил парня в июне, не выстрелил в спину, не послал в безнадежную разведку и теперь сполна заплатит за милосердие. Карамышев умен, многое понял, еще о большем догадался.

Страх смерти заставит его предать.

Петр лихорадочно искал подходящие слова, чтобы успеть погасить разгорающееся безумие во взгляде лейтенанта. Но бревенчатый дом вдруг исчез, сгинула огромная поляна, где располагался штаб дивизии. Вокруг вновь раскинулся жаркий июньский лес. Их теперь было не двое – больше.

...Тот, кто целился, видел все иначе. Вместо зеленых листьев на ветках росли фотографии: десятки, сотни, тысячи. Лица, бесконечные ряды лиц, не сосчитать, не разглядеть.

Стрелка, берущего прицел, это не смущало. Он знал, куда стрелять. Палец вверх – снайпер примеривался к еле заметному ветерку. Рука привычным движением взялась за цевье...

Оружью Петр невольно удивился. «АВС-31», самозарядная винтовка Симонова, победившая на закрытом конкурсе 1931 года. В серию ее не запустили, но малую партию, около сотни, сработали. Вот, значит, для кого!

Ствол еле заметно дернулся, и одна из фотографий исчезла – без следа, словно растаяла. В тот же миг лицо Карамышева, стоявшего рядом, побледнело, пошло серыми пятнами. Выстрел, выстрел, выстрел... Снайпер знал свое дело – пули летели одна за другой, без прерыва, и так же, одна за другой, исчезали с ветвей фотографии. Карамышев молчал, серые пятна на лице темнели, затягивались трупной зеленью, на лбу проступали нечеткие, но вполне различимые буквы:

Выстрел, выстрел, выстрел. Без промедления, без промаха, без пощады. Петр пытался вспомнить, сколько патронов в симоновской конкурсной самозарядке...

– Фу ты!

Видение исчезло без следа – ни леса, ни снайпера, ни листьев-фотографий. Карамышев отошел на шаг, глаза его светились страхом и злобой. Неподалеку послышался грохот разрыва. Немецкая батарея пристреливалась по штабу с самого утра, пока без особого успеха.

– Гаубица, – машинально констатировал лейтенант.

– Дивизионная, 150-миллиметровая, – согласился Петр.

Смежил веки, вспоминая тающие в воздухе фотографии, и внезапно вскинул голову:

– Верующий, значит? Молись, лейтенант. Молись! Может, успеешь.

– Как?!

Карамышев тоже что-то понял. Быстро оглянулся, хотел переспросить, но сжал губы, поднес сложенные троеперстием пальцы ко лбу.

– Господи, помилуй раба Твоего...

Свиста снаряда они не услышали. Не успели.

«Ты знаешь, кто я? Я – твой друг...»

– Капитан, капитан, черт тебя!.. Живой?

Сильные руки дернули за плечо, встряхнули. Петр застонал, с трудом приходя в чувство.

– Жи... Живой...

– Тогда вставай, нечего! – Говоривший спешил, сердился, с раздражением выплевывал слова. – Боец, воды, быстро! А ты, капитан, если не помер, поднимайся, строй людей, и в бой, в бой, бой! Черт, всех командиров поубивало, хрен теперь навоюешь. Быстро, капитан, быстро!..

Надо открывать глаза. Он сумеет это сделать, несмотря на боль и тошноту. Значит, жив, значит, не под замком и не под арестом, его сумели вытащить из месива сгоревших бревен...

Карамышев?

Можно не спрашивать. Тирмен редко промахивается. Не сочинить чекисту сказку о японо-чешском шпионе. Мене, мене, текел, упарсин.

И вновь Петра Леонидовича Кондратьева посчитали везунчиком, родившимся в сорочке, поймавшим за хвост жар-птицу. Не только потому, что гаубичный снаряд, попав в дом и разорвав в клочья энкавэдиста, не убил военинженера, не покалечил, даже не контузил толком. Такое могло случиться и случалось, хотя бы по закону больших чисел, порой творившему чудеса похлеще магов с факирами. Но второй снаряд, упав следом, угодил в землянку, где заседал особый отдел дивизии; еще один снаряд – осколочный – убил и комдива, и комиссара. Уцелевший заместитель комдива (именно он приказал достать из-под кучи деревянных обломков случайно примеченного им контуженого военинженера) не стал разбираться.

Не до того было – немецкие танки прорвались к командному пункту.

После трех дней боев остатки дивизии собрались в сорока километрах восточнее. Петр командовал батальоном, и никто не косился на его совсем не боевые петлицы. Немецкий панцер-клин уходил дальше, отрезая сражающиеся части. Дезертиров и паникеров среди солдат не числилось, но скоро кончились снаряды.

Поредевшая колонна дивизии сумела прорваться через линию фронта в конце сентября. И снова уцелевшим не поверили, отобрали оружие, но Судьба словно закусил удила. Новый немецкий прорыв – непосредственно в сторону Москвы – заставил забыть о подозрениях и бросить окруженцев навстречу танкам.

Петр уцелел и на этот раз, чтобы через месяц оказаться севернее Волоколамского шоссе – и опять выжить. Впрочем, у Судьбы порой тоже кончаются силы. Седьмого ноября, после сталинской речи на Красной площади, случайный осколок попал военинженеру 2-го ранга Кондратьеву в грудь, ниже сердца. Посторонний наблюдатель, если таковой мог быть на войне, посчитал бы и это редкой удачей: 4-я танковая бригада, к которой прикомандировали Петра Кондратьева, погибла почти полностью через несколько часов, во время лобового контрудара.

В свердловском госпитале Петра подняли на ноги. Все остальное не имело значения. Он несколько не расстроился, узнав, что документы затерялись, что в госпитальном реестре он числится рядовым. А вот орден, к которому военинженер был представлен под Смоленском (бумаги на первый исчезли без следа), нашел его. Правда, через полгода, когда Кондратьев ехал на фронт в составе только что сформированного 18-го танкового корпуса.

Корпус вступил в бой под Воронежем.

Через неделю младший сержант Кондратьев, успевший стать «дядей Петей» и прославиться «буденновскими» усами, был зачислен в дивизионную разведку.

– Портянка налево, портянка направо, – повторил Петр Леонидович. – Лейтенантом начал, им и закончил. Даже до Берлина не дошел.

Офицерские погоны гвардии старшина Кондратьев получил в декабре 44-го, после боев на Сандомирском плацдарме. День Победы его разведгруппа встретила в глубоком американском тылу. О том, что война закончилась, они узнали только через три дня.

– А «иконостас» с-свой, значит, на п-портянках заработал?

Бывший «афганец» кивнул на орденские колодки, украшавшие парусиновый пиджак бывшего интенданта.

– Это в самом конце, – равнодушно отозвался тот. – Тогда ордена горстями кидали. Особенно тем, кто к штабу поближе. Наш хлебoreз «отвагу» умудрился получить.

Артур моргнул, глядя на алые ленточки двух «знамен» и трех «звездочек», но решил не углубляться. Его дело – военное. Сказано «за портянки», значит, так тому и быть. Старик же улыбнулся спасенной им Настасье Кински и с удовольствием раскусил аппетитную семечку. Она была правильная. Далекая июньская пыль исчезла без следа.

...Лейтенант НКВД Карамышев приходил к своему однополчанину во сне. Не слишком часто: раз в год, в июне. Петр Леонидович не пугался и не обижался – привык. Они разговаривали до утра, пока скрежет будильника не поднимал старика на работу.

В тир парка культуры и отдыха имени пролетарского писателя Максима Горького.

5

День, обещавший поначалу одни неприятности, складывался на редкость удачно. После химии физрук Григораша несказанно порадовал сильную половину класса, выпустив во двор: играть в футбол. А сам взялся судить. Девчонки остались в зале заниматься гимнастикой или чем еще – чем именно, дорвавшихся до мяча мальчишек не интересовало. Данька мотался как угорелый. Кураж весенним соком бурлил в груди, перепутав времена года. В итоге он забил

гол, хотя футболистом был посредственным. Санька Белогрив навесил отличный угловой, у ворот случилась катавасия, вратарь дернулся, и кто-то из защитников поспешил выбить мяч прочь – как раз под ноги Даньке.

По пустым воротам с семи метров и слепой не промажет.

– Го-о-о-ол!

– Один – ноль!

– Архангел – снайпер!

Приятно, чего уж там. Такое ему кричали впервые.

К концу вышла дружеская ничья: два—два. А Фофан напоследок высадил мячом стекло на третьем этаже. Осколки красиво брызнули, сверкнув на солнце разноцветной радугой. Скорее всего, Фофан сделал это нарочно. Но перед Григорашей божился, что случайно.

– Порыв ветра, Григорий Рашидович!

– Какой еще порыв ветра?!

– Шквальный. Вы ж видели, я по воротам бил! А ветер ка-а-ак подхватит – и в окно...

Больше до конца занятий ничего примечательного не случилось. Разве что Данька получил «отлично» по литературе. Наверное, сегодня надо было решиться и проводить домой Лерку Мохович, но он обещал Жирному поставить пиво. А если пацан сказал – пацан ответил.

Когда прозвенел последний звонок, Данька слегка отстал от поваливших на выход одноклассников: сначала собирал рассыпавшиеся тетради, потом шнурок на кроссовке развязался. По лестнице он спускался в гордом одиночестве. Школу словно вымело: здание казалось пустыней, как Данькина голова сегодня утром.

Только без всяких предчувствий в животе и запаха жженой резины.

На втором этаже из приоткрытой двери учительской доносились голоса. Сам не зная зачем, он остановился. Возле учительской лучше не торчать: уличат в подслушивании – устроят головомойку. Да и вообще...

– ...сбежала! – донесся до него возбужденный голос химички. – Представляете?!

– Из детского сада?!

– Да! Даже не сбежала – просто ушла. Воспитательница зазевалась, а она вышла за ворота – и только ее и видели!

– Доверяй им детей, разиням...

– Слава богу, нашлась, живая-здоровая. В нашем дворе. Я уж не знала, что и думать. Времена, сами знаете, какие! Места себе не нахожу, бегаю, ищу, зову. В милицию звонить хотела, и тут меня будто надоумили. Заглянула во двор: сидит в песочнице! Куличики лепит. Я к ней: «Ларочка, где ты была?!»

– А она?

– А она: «Мне в садике не нравится. Там оладушки без варенья. И спать днем заставляют. А Сережка «крысой-Ларисой» дразнится...»

Дальше Данька слушать не стал и припустил вниз по лестнице. На душе пел кот Леопольд: «Неприятность эту мы переживем!» Здорово, что у Веранды все обошлось. А он думал... Впрочем, не важно, что он думал. Все хорошо, все просто замечательно!

Бутылку «Кирюши» Жирный принял благосклонно, при свидетелях подтвердив, что они в расчете. Сплетник Кошей торчал неподалеку, готовый удавиться от расстройства чувств. Долги отданы, теперь – домой.

Мама была на работе. До вечера квартира находилась в полном Данькином распоряжении. Фофан небось «телок» сюда водил бы – если не врет, конечно. Жирный устроил бы ежедневное «каталово». Да мало ли, для чего еще пустая хата пригодится?! А он, Данька, наверное, и вправду лох. Счастья своего не понимает. Не устраивает из дома картежный притон, пиво с друзьями не дует...

А «телки» у него нет.

Он извлек из холодильника обед: гороховый суп и пара котлет с макаронами. Котлеты у мамы получаются замечательные. Отец всегда нахваливал, приговаривая: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок!» Врал небось. Развелись они с мамой, третий год уже. Правда, расходились по-хорошему. У других, говорят, до драк доходит. А мама с отцом не ругались, посуду не били, из-за барахла до хрипоты не спорили.

Но Данька все равно плакал.

Отец тогда с дядей Левой фирму открыли, гордо именуя друг друга «бизнесменами» и «компаньонами». Фирма называлась «Серафим». В название компаньоны вкладывали «некий сакральный смысл», как загадочно выражался отец. Дядя Лева, будучи в благодушном подпитии, однажды объяснил: есть, мол, в небесной иерархии такие ангелы с львиными мордами – серафимы. Понимаешь, брат, когда у одного компаньона фамилия Архангельский, а второго зовут Лев – ежу ясно, как назвать фирму. И звучит красиво.

Занимался «Серафим» чем попало: от торговли тушенкой и кровельным железом до изготовления визиток и издания супербестселлера «Двадцать тысяч километров по рекам Харьковщины». Отец пропадал на фирме сутками, клятвенно заверяя: «Ей-богу, Тань, в последний раз! Сделка очень важная. Вот засыпем в закрома – и вздохнем свободно...» Вслед за одной «сделкой века» возникала другая, за ней – третья, четвертая, а в закрома ничего особенного не сыпалось. Отец с дядей Левой ругательски ругали козлов-партнеров, которые их снова подставили...

На момент развода дела у «Серафима» шли, как ни странно, неплохо. Отец оставил матери с Данькой их старую двухкомнатную квартиру, а себе купил другую, точно такую же, на той же улице, только на противоположной стороне, через два дома. Ремонт сделал, мебель завез. Хотел еще взять крутой телик «Sony» с видеухой и стереосистемой, но не успел. «Серафим» «кинули» по-крупному, денег едва-едва хватило отдать долги. Хорошо еще, квартиру продавать не пришлось. А дядя Лева таки продал новенький «Volvo» и снова ездил на пошарпанной «Audi», словно извлеченной со съемок «Безумного Макса-2» – с проржавевшим до дыр глушителем и стучащим движком.

Впрочем, компаньоны не унывали. Через пару месяцев у них имелась куча новых «проектов», которые они с энтузиазмом, достойным лучшего применения, кинулись воплощать в жизнь.

Отец с мамой до сих пор в хороших отношениях. Даже лучше, чем перед разводом. Мама к нему заглядывает, прибирается. Иначе папа такой свинюшник разводит – хоть стой, хоть вещайся. Новый год вместе встречают, втроем, как раньше. Может, они опять поженятся? Хорошо бы...

Данька выхлебал чашку компота, вымыл посуду и минуту-другую пребывал в раздумьях. Пойти гулять? Книжку почитать? Отложенный до лучших времен Муркок манил закладкой, торчащей из «Повелителей мечей». Или уроки сделать? Он тяжело вздохнул. Герой Корум обождет, сперва – уроки. Чтоб не дергаться, как сегодня перед химией.

Что у нас на завтра?

Геометрия, история и украинский.

Покончив с первым признаком равенства треугольников и разобравшись с «двокрапкою у бесполучниковому реченні», историю он оставил на вечер. Позвонил Санька Белогрив – звал в парк, играть в настольный теннис.

– Сетку свою не забудь прихватить! На кортах прокат опять подорожал. Мы на пионерские столы пойдем, там на шару.

Слово «пионерские» Санька произносил с вальяжным пренебрежением, через букву «э». У Даньки так никогда не получалось, как ни старался. В красных галстуках обоим довелось походить, но мало, и в памяти не осталось почти ничего, кроме праздничных линеек.

– Не забуду. Через час на пионерских. А ты шарики китайские возьми. У меня один остался.

Соседка, баба Надя, на улице вцепилась в него – не отодрать. Бабе Наде требовалась помощь: затащить на четвертый этаж тяжелые сумки. Сумки действительно оказались неподъемные – кирпичи она домой таскает, что ли? И как сама до подъезда доперла?! Оказавшись дома, старуха решила угостить хорошего мальчика коржиком – сама пекла, нет-нет, не смей отказываться, уже несу!.. В итоге, когда Данька слопал три черствых коржика и освободился, на корты он безнадежно опаздывал.

– Привет, Данила! Спешешь?

Дядя Лева. Папин компаньон. Трезвый, на машине.

Кажется, удача по-прежнему на Данькиной стороне!

– Здрасьте, дядя Лева. Ага, спешу. Я с ребятами в парке договорился...

– Так в чем проблема? Садись, подвезу.

Дядя Лева излучал радушие и полное довольство жизнью, независимо от любых капризов судьбы. Джинсовая куртка нараспашку; зеленая футболка пятьдесят последнего размера с надписью «Kamikaze» плотно обтянула внушительное «пивное» пузо.

В машине царил знакомый аромат. Любимые сигареты колумбийской мафии.

– Тебя к парку Горького?

– Да, к центральному входу.

– Ну, тогда держись.

«Audi» рванула с места так, что, пожалуй, и Безумный Макс позавидовал бы. Данька совсем забыл стиль езды дяди Левы. По-видимому, папин компаньон задался целью доказать, что надпись «Kamikaze» не зря красуется на его футболке.

– Куда прешь, дурошлеп! – комментировал он действия коллег по трассе, сбив на затылок бейсболку козырьком назад. – Я ж с главной сворачиваю, а ты, деревенщина?! Да проезжай, не тормози! Хорошо, когда в машине есть тормоза, но плохо, когда один из них – водитель! Верно, Данила?

Данька судорожно кивал, с ужасом ожидая катастрофы.

– Пять минут – и мы на месте! Что, Данила, понравилось? Какой же русский не любит быстрой езды!

– П-понравилось, дядя Лева. Спасибо, я побежал. Меня ребята ждут.

– Ни пуха!

– К черту!

Дядя Лева и вправду домчал до парка за пять минут. Но в следующий раз лучше мы поедем на трамвае.

6

– Впечатляет!

Господин Зинченко обвел взглядом сумрачный провал, стараясь не очень забежать глазами вниз, где тяжелым сгустком стояла чернота.

– А что здесь располагалось раньше?

В прошлый раз на «минус первый» заглянули второпях, пробегом. Теперь бородатый решил обжиться основательнее. Но любоваться было нечем: железная дверь, неотличимая от входа в старые бомбоубежища, узкая лестница, стены в белой потрескавшейся плитке. Еле заметные трубы воздуховода у потолка. Лампы дневного света в защитной сетке.

– Раньше? – Петр Леонидович поймал зрачками темень: привычную, родную. – В порядок тут все привели в 60-е, тогда и зал оборудовали. До войны, в начале стройки, это именовалось

«Крейсер-3». Резервный командный пункт войск Западного направления. До ума не довели, не успели.

– Третий «Крейсер», значит? – Закончив спуск, бородатый положил ладонь на холодный металл следующей двери, врезанной в стену. – А первые два?

Старик хотел честно пожать плечами, но его опередили.

– Первый – возле Самары, второй – южнее Вильнюса. Но его так и не начали строить.

Из темноты бледным призраком выступила госпожа Калинецкая, Любовь Васильевна. Поморщилась, брезгливо пристукнула туфелькой о бетонный пол.

– Да что тут смотреть? Боба, Петр Леонидович, пойдемте наконец постреляем!

Старик изучал гостью со слабым недоумением. Обещанная бородатым «хомячка», забежав днем, с папкой заранее готовых бумаг по владению тиром, оказалась совсем не «хомячкой». Одетая модно, дорого, со вкусом, держится не по-холоуйски. Господин Зинченко для дамочки был просто Боба, а ее желание вернуться ближе к вечеру, заглянуть на «минус первый», бородатый воспринял как нечто само собой очевидное.

Юридические вопросы она утрясла за пять минут, не забыв добавить, что идея построить на месте тира казино (по версии Артура, бордель негритянский) вовсе не ее, а дурака-менеджера.

«Обычное недоразумение. Приносим свои извинения...»

Поначалу Петр Леонидович отнесся к гостье не слишком серьезно. Всегда находится женщина, для которой грозный «крестный отец» – всего лишь Боба. И виду дамочка не модельного: маленькая, худая, большеголовая, с оттопыренными ушами. Однако, присмотревшись, старик задумался. Полгорода готовы исполнять желания бородатого, он же не прочь слушаться «хомячку». Любовь, конечно, зла, но будем откровенны: нежные чувства в данном случае – не главное.

А еще тирщик понял, что полвека назад здорово бы испугался. Не всеильный Зинченко стал бы тому причиной, а именно эта головастая-ушастая. Дальним эхом донеслись знакомые, успевшие надоесть слова:

«Ты знаешь, кто я? Я – твой друг...»

– Ну-с, открываем! – бодро произнес он, берясь за огромный «вентиль», торчавший посреди двери. – Кто тут хотел пострелять?

Они вошли в оружейную.

– Коллекция у вас, Петр Леонидович... как бы это приличнее сказать? Охренительная, сдохнуть можно! – с чувством подвел итог господин Зинченко полчаса спустя.

Старик улыбнулся не без гордости. То-то!

– Клиенты не скупятся, – наставительно заметил он. – Хороший ствол за рупь-целковый не купишь! И помещение... У нас автономное питание, вода своя есть. Ремонт, то да се. Порядок, сами понимаете, армейский.

– Без проблем!

Бородатый с уважением глядел на пистолет в своей руке: заказанный вчера «Z-10». Оружие держал правильно – стволом вверх, не прикасаясь к спусковому крючку.

– Могу предложить часть суммы бартером. Попадаются любопытные вещички, «чистые», не в розыске...

– Да где вы там?! Боба, ты сказал, что я хочу гранатомет?

Ушастая госпожа Калинецкая нетерпеливо топнула ногой. Старик усмехнулся, подошел к рубильнику, взялся за тугой пластмассовый тумблер.

Свет рухнул внезапно: белый, невыносимо яркий.

«Минус первый» встречал гостей.

– А гранатоме-е-ет? – в скором времени раскапризничалась госпожа Калинецкая. – Боба, я хочу из гранатомета!

От пистолета, впрочем, не отказалась. Вцепилась, не оторвать.

– Это тир, Кали! – с неожиданной мягкостью ответил бородатый. – Разнесешь здесь все!

Старик вздрогнул. Кали... Хорошее прозвище! Интересно, как у господина Зинченко со знанием мифологии?

– Разнесет? Едва ли, – возразил он вслух. – Стены бетонные, согласно стандарту. В принципе, если клиент желает...

Петр Леонидович часто пытался увидеть происходящее чужими глазами. Как правило, удавалось, и не без пользы. Сейчас он представил, что ощущают эти двое. Наверху – обшарпанный тир для детишек со старыми тульскими «воздушками», а здесь, в бетонной глубине...

– За дурочку меня держите? – перебила ушастая. – Знаю, что тир. Но это военный тир, насколько я понимаю? Настоящий? «ПУС-7» у вас есть? Приспособление для обучения гранатометчиков? Такое... вы, надеюсь, в курсе?

– По весу и форме соответствует боевой гранате. – Старик улыбнулся наглости «хомячки». – Стрельба ведется на расстояние до четырехсот метров, калибр вкладного ствола 7,62 миллиметра. Все есть, госпожа Калинецкая. Мы, тирщики, народ запасливый.

Чуть не сказал: «тирмены». Спихнулся вовремя, за долю секунды.

– Гранатомет не к спеху, – рассудил бородатый. – Кали, ты лучше стандарт отстреляй. В прошлый раз мазала, как лох последний.

Предложение пришлось ушастой не по вкусу. Она дернула плечиком, демонстративно отвернулась к стене. Старик оценил жест гостыи. Характер!

Зинченко покачал головой:

– Ладно, сам начну. Давайте-ка, Петр Леонидович, «мозамбик» попробуем.

Стоя у пульта, старик с удивлением повернулся:

– «Мозамбик»? Вы «молот» имеете в виду?

– Да, «троечка». Два – в корпус, третий в голову, со сменой позиции.

– Экзотикой увлекаетесь? – Петр Леонидович нажал нужный рычажок, «подзывая» ростовую мишень. – Честно говоря, не вижу пользы. Кроме гимнастики, разве что. Внимание!

Бородатый послушно шагнул к линии огня, положил пистолет, ожидая команды.

– Практичнее некуда, – возразил он, надевая наушники. – Иногда такого «лосся» валить приходится, что без третьей пули – никак. Пока череп не прострелишь...

– Огонь!

С господином Зинченко проблем не было. Трижды и не без удовольствия отстреляв «молот», упорно именуемый им «мозамбиком», бородатый без шума отошел в сторонку, уступая место головастой-ушастой. А вот с ней, как и ожидалось, начались затруднения. Временно отказавшись от мечты о гранатомете, дама затребовала антиквариат. Желательно «Томпсон» ранних выпусков или хотя бы «Шмайсер-Бергман». Уловив взгляд бородатого, старик развел руками, посетовав на недостаток средств, нужных для пополнения арсенала, и предложил гостю экспериментальный «Никонов», что было немедленно и решительно отвергнуто.

«Томпсон» у Петра Леонидовича имелся. Но он решил излишне не баловать мадам Кали.

Слепому видно: ушастая кривляется и валяет дурака.

В конце концов бородатый заявил, что не видать госпоже Калинецкой ни «Томпсона», ни вульгарного «Калаша», пока она не отстреляет что-нибудь простенькое и не реабилитируется за прошлый конфуз. Петр Леонидович, включаясь в странную игру, предложил скоростную стрельбу по «силуэту». Ничего сложного, оружие – табельный милицкий «Макаров», полный магазин, мишень – в положении «боком», поворачивается на три секунды, попасть желательно в «десятку». Пять раз подряд. А чтобы жизнь малиной не казалась, оружие следует держать в наполовину поднятой руке – под углом 45 градусов к мишени.

Он ждал гневной отповеди. Нет, мадам Кали лишь буркнула что-то о «ментах поганных», а затем решительным движением сбросила с ноги туфельку. Миг, и вторая туфелька полетела

вслед за первой. Ушастая брезгливо сдвинула выщипанные бровки, скривила ротик и шагнула на пыльный бетон пола, направляясь к линии огня.

Первый поворот мишени она пропустила. Не двинулась с места, с презрением щурясь и держа «Макаров» стволом вверх. Потом начала стрелять: быстро, почти не целясь. Бац, бац, бац...

Четыре «десятки».

Петр Леонидович отошел от зрительной трубы, вздохнул и направился в оружейную, откуда вернулся с искомым machine gun. Правда, не с «Томпсоном» – с британским «Стэном». Полностью капитулировать было рано. Госпожа Калинецкая улыбнулась уголками губ и подмигнула старику: так, чтобы не заметил бородатый Зинченко.

Оставалось поинтересоваться, кто все-таки из присутствующих «хомячок». Старик благоразумно смолчал. Вспомнилось, что амбала с «боксером» направила в тир именно она, Кали.

Выручил Петра Леонидовича звонок. Тихое дребезжание вначале различил он один: гости слишком увлеклись «Стэном».

– Что?!

Бородатый наконец-то услышал. Автомат в его руках опасно дрогнул. Старик едва не отшатнулся.

– Посетитель наверху, – как можно спокойнее пояснил он. – Когда мы спускались, я включил сигнализацию. Детишки пришли пострелять, не иначе.

Зинченко и мадам Кали переглянулись.

Петр Леонидович поспешил добавить:

– А вы оставайтесь. С техникой разберетесь или подсказать?

Авторитет не без сомнения устоял на пульте, ушастая снисходительно усмехнулась. Старик понял: разберется. В лучшем виде.

На миг сгинул яркий свет ламп, пропали бетонные стены. Снова возник июньский лес, залитый ярким солнцем, губы ощутили давно сгнувшую пыль. Техник-интендант 1-го ранга вспомнил, что фляга пуста...

Поднимаясь по лестнице, ведущей из бетонного чрева наверх, в вечернюю прохладу, Петр Леонидович думал, что суетиться не стоит. «И аз воздам». А он-то прикидывал, как не пустить излишне любопытную парочку на «минус второй», куда они рвались с первой же минуты.

Стараться не пришлось. Поздний посетитель решил вопрос со всей ясностью и определенностью, по крайней мере, на этот вечер. Старик мог быть доволен. Он и был доволен: Петр Леонидович не сомневался, что знает, кого увидит наверху. Растерянный паренек с библейским именем. Просто случайность? Или не просто – и не случайность?

Исчислено, взвешено...

Нет, пока еще не взвешено.

7

Проходя мимо знакомого тира, Данька невольно замедлил шаги. Зайти, что ли? Вспомнилась приятная тяжесть «воздушки», запах масла, приклад, плотно вжатый в плечо. Хлопок выстрела, «карусель», с которой летит на пол свин Жирный, а за ним – кодла. Может, у дяди Пети и пистолет найдется? Пневматический, понятно, но все же...

Нет, ребята ждут. Надо идти.

От стационарной эстрады, где троица рабочих монтировала рекламный задник, а на тросах висели турели прожекторов с цветными фильтрами, он свернул направо, к кортам.

Под ногами шуршали опавшие листья. Скоро парк станет голым, неприветливым. Деревья с укоризной протянут голые ветки к низкому небу: дай монетку! да-ай бабушкам копеечку!

Закроются аттракционы, исчезнут летние столики. Лишь тусклые фонари да их отражения в лужах будут оживлять по вечерам парк, продуваемый всеми ветрами. И так до снега, когда по аллеям помчатся финские сани, на площади в центре поставят елку, и массовики-затейники, переодетые дедами-морозами, начнут устраивать смешные конкурсы.

Главное: пережить скучную слякоть!

Он припустил бегом, чтобы успеть вовремя.

– Данька! Давай сюда: мы уже столик забили...

Сначала они играли вчетвером: и «на вылет», и два на два. Санька регулярно выигрывал. С остальными, Сливой и Пыжом (в обоих случаях не клички, а фамилии!) у Даньки выходило по-разному. Пару раз отлично получился «обратный топ-спин» – как он сам окрестил изобретенный им удар: корявый, но действенный. Ракетку держишь «лопатой», бьешь по касательной сверху вниз, и шарик, если не очень закрученный, идет низко, почти катясь по столу.

Подобные мячи даже Белогрив не брал.

А потом явился приятель Белогрива, никому, кроме Саньки, не знакомый, с узким монгольским разрезом глаз – как позже выяснилось, еще и с первым разрядом – и «вычесал» всех, включая обиженного насмерть Белогрива. Данька смотрел, как они заканчивают партию, и с каждым стуком шарика об стол понимал, что теннис ему надоел. Дело не в проигрыше: разряднику проиграть не стыдно. Обидно, что их компанию разделал пришлый, чужой. Поэтому, когда разрядник ушел отлить, пообещав вернуться, Данька быстренько показал Белогриву, как делается его коронный удар: чтоб зазнайку, когда вернется, окоротить. Санька удару обучился на удивление быстро. Даньке стало досадно, что его маленький «секрет» освоили за пару минут, и он засобирался.

– Ты куда? Еще светло, оставайся.

– Нет, мне пора. Сетку потом заберешь, хорошо?

И он решительно направился в сторону тира.

Тир был открыт, но производил впечатление брошенного. Свет внутри пригасили, ряд мишеней терялся во мгле. Лишь у входа и над стойкой горели длинные лампы, да еще в каморке тирщика на стене висело включенное бра в виде морского конька. По всей видимости, вечером понедельника тир не пользовался популярностью среди гуляющих в парке.

Данька сперва подумал, что тирщик – ротозей. Так у тебя и винтовки сопрут, как нефиг делать. Но заметил, что «воздушки» прикованы к стойке металлическими цепочками. А если неведомый воришка перелезет через стойку и стырит мишени? С другой стороны, кому они нужны? Или мишени на сигнализации?

– Здравсьте...

Ему никто не ответил.

– Здравсьте, дядя Петя!

Сунувшись в каморку, он выяснил, что тирщика нет и там. Стены каморки были выкрашены синькой. Над выдавшим виды столом кнопками крепились фотографии: танки, солдаты на стрелковом рубеже, полуголые красотки (сменщик Артур расстарался? ну не дед же...) и еще – китайский календарь с толстопузым божком. Судя по лоснящейся физиономии, сразу напомнившей Даньке дядю Леву, божок пребывал в восторге от текущего года. Ну еще бы! – пятеро лысых мальчиков несли перед божком гору ананасов, бананов и фиников.

– У-у-ух-х...

Звук донесся откуда-то снизу, как если бы там, далеко, захлопнулась дверь. Данька ясно представил эту дверь: бронированная, с сейфовым замком, с колесом, похожим на штурвал корабля. Другая дверь треснула бы напополам, а не сумела бы захлопнуться с таким уханьем.

«Уйти? А вдруг дядя Петя вышел за сигаретами и вот-вот вернется?..»

Пиво, отданное Жирному за науку, оказалось дешевым. Оставшихся денег хватало на несколько выстрелов. Вернувшись к стойке, Данька взял винтовку, повертел в руках.

«ИЖ-38С» – разобрал он выбитое на металле фабричное клеймо. Тихо звеня цепочкой, прицелился. В полутьме мишени выглядели иначе, чем обычно. На «карусели» катались совсем другие слоны, конь и свинья: не Жирный с кодлой, а незнакомые. Сама карусель очертаниями походила на дорогуший джип. Жирафа сегодня напонила не химичка, а Кошечка. Даже странно, почему раньше в ней виделась Веранда. Ну да, точно, Кошечка: шею вытянул, губы трубочкой...

Нестерпимо захотелось пальнуть в гада.

Вместо этого он повел стволом слева направо, будто читал написанную фразу.

Мишеньки-монетки со странными буквицами не обнаружилось, зато Баба-яга стала копией Марь Васильны, начальницы жэка. Белый шиньон гулькой, лицо густо намазано косметикой, в руке – метелка, отобранная у пьяного дворника Кириуши. Мама с Марь Васильной вечно ругается: ни сантехника не добьешься, ни электрика, за справкой сто раз ходить надо. Когда батарею зимой прорвало, пришлось в трест звонить, устраивать скандал: жэковская королева не соизволила даже почесаться. Следом за Бабой-ягой висел Карлсон: точь-в-точь сосед Линько, профессор по женским болячкам. К нему на лестничной клетке девицы с ухажерами в очередь строятся. Противная личность, ябедничает маме: «Ваш сын опять орал в подъезде, а мне требуется тишина и покой! Дружки вашего сына курят на лестничной площадке, а у меня астма...».

И собака у него злая.

А вон та девчонка с бантом (наверное, когда попадаешь пулей, бант скачет вверх-вниз, будто девчонка прыгает через скакалку) – Дарья Тютюнец, староста класса. Как только соберешься наконец проводить Лерку домой, она рядом вертится, словно медом ей намазано. «Лерочка, я к тебе за учебником зайду! Лерочка, мы договаривались вместе физику делать!» На собрании против Даньки выступала, говорила, что он рохля и безответственный. Влепить бы ей пулю, чтоб язык не распускала...

В тире вспыхнул яркий свет, и Данька чуть не кинулся бежать от испуга.

– Желаете пострелять, молодой человек?

В дверном проеме каморки стоял тирщик. Безразлично улыбаясь в пышные, прокуренные кавалерийские усы. Данька от деда Ильи знал, почему такие усы называют «кавалерийские». Потому что их носил командарм Буденный. У деда Ильи раньше были такие же. Правда, дед Илья кепкам-«аэродромам» предпочитал осенью фетровую шляпу, а зимой – меховой «пирожок».

– Даниил?

Улыбка тирщика стала чуточку теплее. Или это Даньке показалось? Гадать, откуда тирщик взялся в пустой каморке, он не стал. Должно быть, с улицы тихонько вошел, пока мы тут целились.

– Здравсьте, дядь Петя...

– И ты здравствуй, коли не шутишь. Кого сегодня валить станем?

– Жирафу, – твердо ответил Данька. – Жирафу и эту... с бантом.

– Шалунью? Добро. А жирафа, я вижу, тебе полюбилась. – Тирщик принял у мальчишки деньги, отсчитал взамен пять пулек. – Только, знаешь, это капризная жирафа...

Капризы жирафы Данька оценил через пару минут, когда все пульки, одна за другой, ушли «в молоко». Огорченный, раздосадованный, он повернулся к тирщику, словно тот мог чем-то помочь.

– Стрельба науку любит, – развел руками старик. Он оглядел пустой тир, вздохнул и взял свободную винтовку. – Время есть, Даниил?

– Времени навалом, – честно ответил Данька.

– Уроки на завтра сделал?

– Ага! Мне история осталась... Самодержавие в начале XX века. Я вечером выучу, там мало!

– Ясное дело, мало. Не успел век толком начаться, как царя скинули... Тогда, раз времени у нас – вагон, начнем с «ровной мушки».

– А... а что это?

– Это взаимосвязь мушки и целика по отношению к твоему глазу. Вот, смотри: здесь у нас мушка...

– Да я знаю! – обиделся Данька.

Тирщик пропустил его обиду мимо ушей.

– ...а здесь – прицельная планка. «Ровная мушка» должна стоять в центре прорези по направлению огня. А по высоте – на одной линии с гривкой прицельной планки. Если, конечно, прицел открытый.

– А мишень? Цель?!

– А цель мы, брат Даниил, сейчас оставим в покое. Не все сразу.

На стойке, прямо у Данькиного локтя, какой-то хулиган вырезал ножом четыре значка. Те самые, которые были отчеканены на мишени-монетке:

II

Далекие барабанчики сделали шаг навстречу. Явственно проступила сквозь вой пурги тягучая, нервная тема флейты. Что еще? Волынка? Да, кажется, волынка. Странно: мелодия всякий раз одна и та же, барабаны и флейта есть всегда, а остальные инструменты словно по очереди заступают в караул. Виолончель, труба, вот теперь откуда-то взялась волынка: гнусавая, заунывная. Лерка рассказывала, что чувашская волынка «шапар» использовалась на церемонии изгнания бесов. А шустрый «хомячок» Тимур в бесов не верил и считал, что «волына» – это пистолет.

Например, «Беретта-9000S».

Кроется ли в смене инструментов какая-то закономерность, Данька не знал.

Он прикинул на слух расстояние между ним и таинственными музыкантами. Сто метров? Двести? Нет, точно определить не получается. Дело не в метели: когда здесь благоухала липовым цветом июньская теплынь, в медвяном воздухе – ни ветерка, и лишь редкие птичьи трели нарушали тишину леса, замершего в ожидании...

Тогда у него тоже не получалось.

Ближе, дальше – и не более того.

Ладно, ищем-смотрим-щуримся... Хотя щуриться уже ни к чему: метель пошла на убыль. Снег с ветром не секут, а лишь оглаживают щеку, потерявшую чувствительность. Давай, тирмен, ищи цель, а то отморозишь себе все на свете. Машинально выковыривая мизинцем из уха подтаявший снег, Данька повернул голову – и увидел. Серебряный пяточок с орлом и короной, брат-близнец сбитого пулей, валялся на склоне сугроба – впереди и чуть левее, у подножия матерого дуба.

На сей раз монета никуда не скакала, а лежала спокойно, без возражений подчиняясь земному притяжению.

«...это не вы обронули?»

И далеким, незнакомым эхом:

«Молодой человек! Соболаволиае оказаае милоаь!..»

Где же вы, элеганаая мисс Марпл? Подбодрите мальчишку, превратившегоса во взрослого циничного тирмена: «У вас все будет хорошо!» Сейчас эти слова куда нужнее, чем в зимнем парке, ставшем воспоминанием. Или лучше не надо, мисс Марпл. Вас здесь нет, и очень правильно, что нет, а мальчик давно вырос и понял, что все хорошо не бывает.

Он справится.

Мишень дальше, чем первая, но она неподвижна. И ветер стих. Данька надеялся, что со вторым пяаком никаких проблем не возникнет. Один выстрел. Максимум – два. «Спокойствие, только спокойствие! – утверждал Карлсон, болтаясь на стене тира и ожидая пули. – Пустяки, дело житейское...» Мудрый Карлсон был в курсе, что пока «шаги Командора» звучат на лестнице, можно не бояться самых метких стрелков.

Данька поставил «Беретту» на предохранитель, подышал на пальцы. Снова взял оружие в правую руку, вернув на боевой взвод; плавно повел стволом снизу вверх. Пуля взметнула колючее облачко над мишенью. На «минус первом» он бы точно не промазал. Но тут, извините, не минус, а плюс. Высшая математика. Случается, шмеля за тридцать шагов бьешь без промаха. А через три недели мишени будто заколдованные, на каждую полмагазина тратишь. Ничего, сейчас оправдаемся...

Опять мимо.

Разозлившись, он выстрелил навскидку, почти не целясь.

Пуля вогнала монету глубоко внутрь сугроба. На ее месте остался узкий темный ход, похожий на нору. Оттуда брызнули жирные ярко-красные искры, словно пуля по дороге встре-

тила легированную сталь. Искры, шипя, испуганными крысами метнулись прочь, угасая в снегу.

Пусть бегут. Это их дело.

Вторая – есть.

Мишень вторая Гонки на кроватях

*Вместо школы я вела тебя в тир.
Врала родителям про одноклассников и отметки.
Ты был расплывчат, как воздух.
И, пытаясь в тебе найти
Определенность, из возможных свойств
я обнаруживала только меткость.²*

А. Витухновская

Год Красной крысы

1

– Даниил!

– Что, Валерия?

Это у них уже с полгода игра такая: называть друг друга полными именами. Поддразнивать. Как выяснилось, Лерка свое полное имя тоже терпеть не может. Причем каждый твердо убежден: у другого имя нормальное. Красивое, звучное. Другому не в пример больше повезло, в отличие от...

– Ты меня проводишь или нет?

До сих пор Даниил Архангельский ни в чем не мог отказать Валерии Мохович. Да и не хотел он ей ни в чем отказывать! Домой провожать и портфель нести под прошлый Новый год сам попросился – набрался-таки смелости. А Лерка оказалась совсем не против. И вежливо, но твердо отшила не ухажера, красного как рак, а Дашку Тютюнец – хитромудрая староста пыталась увязаться следом. «Знал бы ты, как она мне надоела!» – тихо пожаловалась Лерка, когда они свернули за угол. От этого неожиданного доверия Данька растаял: мгновенно и бесповоротно.

На целый год минимум.

Но сейчас у него имелись другие планы. Он неделю не был в тире: Петр Леонидович заранее предупредил, что с тридцатого декабря по третье января тир не работает. Сегодня – пятое. Пришла пора кое-кого отстрелить. И вообще... Данька нехотя признался сам себе: его тянет в тир. В конце концов, что тут особенного? Любимое дело, хобби. Опять же стрельба, по словам дяди Пети, «науку любит». Неделю не потренировался – начинаешь терять форму. Лерка, конечно, обидится...

Сверху без предупреждения обрушился «точечный» снегопад, запорошив глаза. Прямо над головой на ветке деловито устраивалась серо-черная ворона, чем-то смахивавшая на Дарью Тютюнец. «Кар-р-р!» – с раздражением сообщила ворона, кося на парочку смоляной бусиной. Данька в ответ прищурился – словно целясь из ружья, и птица, отчаянно хлопая крыльями, снялась с ветки и улетела.

² На кучность боя оружия и, следовательно, на меткость стрельбы влияет множество факторов. Прежде всего это определяется качеством и точностью изготовления ствола винтовки, чистотой обработки канала и плотностью посадки ствола в ствольную коробку. Также общеизвестно влияние на меткость шатания мушки, целика, прицельной планки и кронштейна оптического прицела. Наиболее значительно на меткость могут повлиять увеличения зазоров механизма, которые приводят к угловым колебаниям ствола.

Их обоих накрыло искрящимся снежным облаком. Даньке пришло в голову, что Лерка в дубленке с пушистой оторочкой из меха и белой вязаной шапочке с кистями и помпонами – вылитая Снегурочка.

– Извини, сегодня не могу. Ты ж знаешь, я всегда... – выдавил он. – Тут дела образовались...

Лерка в упор смотрела на кавалера-предателя, и тот не выдержал, отвел взгляд. Не станешь ведь объяснять, что ему позарез надо в тир. Не позже, не после обеда, а именно сейчас. Потом в тир набьется народ, а в присутствии чужих отстрелить нужную мишень куда сложнее. Особенно если мишень «капризная» или, хуже того, «с характером».

Иную приходилось выхаживать неделю-другую, если не месяц. Явишься, к примеру, разобраться с вредной Егорычем, ревнителем порядка, который всех во дворе достал, от мала до велика, а дядя Петя тебе с порога: «Хорош с баловством, хватит. Стреляем по-взрослому. Стойку будем отрабатывать».

Ну, отрабатываешь. Стоишь, целишься, а дядя Петя поправляет: «Корпус доверни, тебе ж неудобно. Плечо, куда плечо задрал?! Оно у тебя через пять минут отвалится. Ножку вот так...»

Доворачиваешь, опускаешь, ножку делаешь.

«Откинь голову от приклада в сторону и назад! Теперь верни подбородок к прикладу, надави сверху и опусти голову в нужное положение... Шею, шею расслабь! Чувешь, на щеке образовалась складка?»

«Чую, дядя Петя... А зачем?»

«Она не позволяет голове опускаться при расслабленных мышцах...»

Откорячишься битый час – дает десять выстрелов. По «бумажке», на которой Егорыча нипочем не увидишь, хоть сам застрелись! Другой раз придешь: вроде все нормально, стреляй – не хочу; вот только заветного Егорыча ни на одной мишени нет. Вообще никого нет: железки раскрашенные, пулями битые. Еще бывает, мишень издевки строит: заметишь ее, прицелишься, палец на спуске, слабину выбирает; глядь – а это и не она вовсе! Поднимешь глаза – Егорыч, зараза, с «разбойников» на самый верх, на «елку новогоднюю», перескочил. Ухмыляется оттуда: «Не достанешь, не достанешь!»

Доставал в итоге, конечно. Иного, бывало, с первого раза. А случалось...

Непростая это штука – отстрелить кого нужно.

– Ну, если у тебя настолько важные дела...

Обиделась. И, кажется, растерялась. Раньше всегда выходило так, как хотела она, легко и естественно. Данька не сопротивлялся, когда его вели в органнй зал, слушать фуги и хоралы Баха (звук «живого» органа пробрал его до печенок), в филармонию, где он чуть не заснул, в оперу... А когда ему удалось вытащить Лерку на концерт «Арии» – она просто поломалась для виду, позволив себя уговорить.

– Лер, ну честно, надо.

– Ладно, иди.

Прозвучало так, словно это не Данька уходит по делам, а она, Лерка, великодушно его отпускает.

– Пока. Я вечером позвоню.

Он развернулся и потопал по девственно белой аллее, оставляя за собой ровную цепочку следов: хоть слепки делай. Рыхлый снег весело скрипел под ногами, подмигивал цветными блестками, стараясь растормошить удрученного человека, заставить улыбнуться. На душе скребли кошки. Вроде ерунда, пустяки... Мужик он или нет?! Могут у него быть свои мужские дела? Не волочиться же хвостом за Леркой с утра до вечера? А вечером он ей обязательно позвонит. Может, даже не вечером, а днем...

Настоящий мужик, спеша по серьезным мужским делам, не выдержал: оглянулся. Лерка уходила прочь. Одна. Ветви каштанов, согнувшись под тяжестью снега, образовывали над удалявшейся фигуркой коридор – ажурный, арочный, ведущий в туманно-белесую даль. Там что-то сверкало, переливалось, будто волшебный портал в иную, сказочную реальность.

«Солнце в окне дома отражается», – запоздало догадался Данька. Снежный туннель со светом в конце потерял загадочное очарование. Он побрел дальше, не оглядываясь.

Эх, Валерия, мечта Конана-варвара из одноименного фильма!

Когда он впервые сказал насчет Валерии – мечты Конана, Лерка фыркнула. Но потом взглянула на Даньку с интересом. И выдала насчет Даниила-пророка: мол, имя библейское, древнее. Гордись, дурачок. Зато у меня... «Да нет, у тебя прекрасное имя, – принялся разубеждать Данька, – вон, Конану нравилось, и мне тоже...»

– Молодой человек! Да-да, я именно к вам обращаюсь. Извините, что отвлекаю...

На скамейке, аккуратно очищенной от снега, сидела незнакомая Даньке пожилая дама. Пальто из каракуля в стиле «ретро», круглая шапочка с вуалью, седые волосы тщательно уложены в прическу. Нет, не седые, а серебряные. Привычные слова: «старость», «седина» к даме не подходили. Для этих слов она выглядела слишком... элегантно? Да, пожалуй. Ей бы еще длинный янтарный мундштук с тонкой сигаретой...

– ...от ваших мыслей. Но я бы рекомендовала вам не расстраиваться. У вас все будет хорошо.

– У меня?

– Я имею в виду: у вас с вашей девушкой.

– Откуда вы знаете?

Из-под вуали блеснули очки в тонкой золотой оправе. Даньке показалось, что за очками он различил смеющиеся молодые глаза дамы.

– Но это же очевидно! Семнадцать шагов назад вы оглянулись и долго смотрели вслед... Я вижу, там по аллее кто-то удаляется. К сожалению, зрение у меня не то, что раньше, но готова ручаться: это она. Самая лучшая на свете она. Когда юноша и девушка расходятся в разные стороны и юноша выглядит подавленным – выводы сделать проще простого.

Ну, прямо мисс Марпл из рассказа Агаты Кристи! Данька недавно прочел этот рассказ в сборнике «Зарубежный детектив». И даже внешне похожа.

– Вы не сделали ничего, за что вам бы стоило себя винить. И она это поймет, вот увидите. Позвоните ей вечером.

– Спасибо... я и так собирался... Спасибо!

Данька повеселел. Искренняя уверенность незнакомки, что все будет хорошо, завораживала. Захотелось сделать что-нибудь хорошее для дамы, но он не знал, что.

– Спасибо, – еще раз повторил он, широко улыбаясь.

– Кстати, это не вы обронили?

Дама вынула руку из пушистой муфты, продемонстрировав узкие, «музыкальные» пальцы с парой колец – на среднем и безымянном, – и одним точным движением выхватила из снега под ногами какую-то безделушку. Раскрыла ладонь, показывая добычу.

Крошечный матово-блестящий кругляш.

Даже толком не разглядев, Данька уже знал, что это. Старый, еще советский гривенник. Привет из позапрошлого сентября. «Пожалел бабушку... дай тебе здоровья и удачи, внучек...»

Дама ни капельки не напоминала старуху-нищенку. Ничего общего.

Но гривенник – тот самый.

– Н-нет, не я. Я ничего не ронял. До свиданья...

Он двинулся в сторону тира, постепенно ускоряя шаги, и, сворачивая с центральной аллеи, угодил прямоком в объятия Адмирала Канариса.

– С прибытием, рядовой!

Сумасшедший развернул Даньку лицом к себе и от души хлопнул по плечам.

– Орел! Молодца! На огневой рубеж направляетесь?

– Так точно, герр адмирал!

Данька с трудом сдержал улыбку.

– Представляю вас к ордену!

Нависнув над «рядовым» пожарной каланчой, Адмирал Канарис принялся отвинчивать с потертого ватника одну из украшавших его наград. Данька малость оторопел. Такой чести, насколько он знал, не удостоивался никто. Безобидный, добродушный псих свои ордена и медали, добытые невесть где и как, берег пуще жизни.

– Не надо, ваше превосходительство! Я не заслужил... недостойн...

– Значит, еще заслужишь!

– А награды авансом не вручаются! – нашелся Данька.

Канарис задумался. Данька попятился от него, а потом бегом припустил к тире.

– Фланговый маневр! Отступление на заранее подготовленные позиции! Фронтальная контратака! – неслось вслед.

В тире, несмотря на раннее время, стреляла веселая компания: четверка парней, по виду – студентов. «И чего их сюда занесло? – с неудовольствием подумал Данька. – В вузах сейчас вроде сессия. Это у нас – каникулы». Однако студенты обосновались в тире надолго. Пулек у них хватало, вмешательства тирщика не требовалось, так что дядя Петя временно укрылся в служебной каморке. Можно, конечно, рискнуть отстрелить нужную мишень, не обращая на студентов внимания. Но красавчик, похожий на молодого Алена Делона, в «лоскутной» дубленке, тертых джинсах и «казаках» с металлическими бляшками, узурпировал любимую Данькину винтовку.

Старую «ИЖуху» с открытым прицелом, за номером 3.

Данька расстегнул куртку – топили в тире хорошо, пожалуй, даже слишком – и прислонился к стене. Дверь подсобки открылась, оттуда выглянул хромой сменщик Артур. Заметив мальчишку, кивнул – привет, мол! – и опять скрылся в каморке, плотно затворив дверь. Пьют они там, что ли, на пару с дядей Петей? Прямо с утра?!

– ...ж-ж-ждет, – расслышал Данька необычно возбужденный голос «афганца».

В ответ дядя Петя что-то глухо буркнул: не разобрать.

– А н-не рано? П-пацан, едва год ходит.

Данька наострил уши.

– Бу-бу-бу, – ответил дядя Петя. – Бу-бу. Бу!

Теряясь в догадках, что за «бу» и по какому поводу, Данька следил за компанией стрелков, надеясь, что ранние пташки наконец улетят. Студенты стреляли совершенно по-разному. Год назад он бы не задумался об этом, не обратил внимания. А сейчас...

Крайний справа брюнет-очкарик почти лег на стойку, широко расставив локти. Целился он с излишней тщательностью. Данька по опыту знал: если долго целишься, мишень «плывет». Лучше расслабить руки, проморгаться, а потом собраться, быстро взять прицел заново – и выстрелить. Говорят: «Долгий прицел – усталая рука». На самом же деле в первую очередь устают не руки, а глаза. Это для винтовки. При стрельбе из пистолета поговорка оказывается более верной.

Пневматический пистолет у дяди Пети имелся, для своих. Данька из него настрелялся вволю: в тире он давно был своим.

Следующий, верзила с огненно-рыжей шевелюрой, расхристанный, вспотевший от азарта, палил навскидку, скалясь, будто расправлялся со злейшим врагом. Как ни странно, верзила чаще попадал, чем мазал. И промахи, и попадания он громко комментировал: «Есть! Гаплык медведю – пчелам радость!.. Блин, мимо. Щас я его...»

Плоская физиономия третьего стрелка являлась живым воплощением буквы «Ы». Отмороженная улыбочка, жабы глаза навывкате, гримаса сосредоточенного удивления... Нет, словами и наполовину не передашь. Складывалось впечатление, что выстрел всегда происходил неожиданно для «Ы». Он молча изумлялся хоть промаху, хоть попаданию, которых было примерно поровну, хоть самому факту стрельбы.

Ален Делон стрелял красиво, уверенно, как на картинке – словно позировал. И так же уверенно мазал раз за разом. Что, впрочем, абсолютно не смущало красавчика.

Дверь каморки снова распахнулась. В проеме стоял тирщик и манил Даньку рукой.

– Здравствуйте, Петр Леонидович!

Называть тирщика при посторонних «дядей Петей» он стеснялся.

– Здрав будь, Даниил. Заходи, тут работенка для тебя есть.

Троим в каморке места не доставало, но Данька ловко втиснулся внутрь.

– Вот, – указал дядя Петя на изрезанный, надпиленный, едва ли не надкусанный со всех сторон стол-верстак. Там лежала знакомая винтовка. Номер восемь, кажется. – Компрессии нету. Разберись. Инструменты и смазка на месте, запчасти, если понадобятся, – в ящике. А мы с Артуром на перекур выйдем. Душновато тут.

– Хорошо, дядя Петя! Сейчас все сделаем.

– Ну-ну, – одобрительно хмыкнул тирщик. – Валяй. Не справишься – зови.

Данька был уверен, что справится. «Воздушки» он собирал-разбирал, смазывал и чинил по мелочам не в первый раз. Еще он помогал налаживать вечно ломавшиеся мишени и подметал в тире. За это ему позволялось стрелять бесплатно в свое удовольствие, а Петр Леонидович делился премудростями стрелковой науки.

Скинув куртку и шапку, Данька уселся за стол, извлек отвертку и принялся за дело. Руки действовали сами; пожалуй, он справился бы с «ИЖ-38» вслепую. Надо будет попробовать, из интереса. Так, сперва два винта, крепящие ложу... теперь – выбить штифт...

О регулярных походах в тир он поначалу никому не рассказывал, кроме мамы. И Лерки, конечно. Лерка оказалась не из болтушек, в школе о новом хобби Архангела долго не знали. Очень хотелось похвастаться. Особенно когда начал уверенно выбивать без упора сорок три из пятидесяти по стандартной мишени № 8.

Но хвастаться, поразмыслив здраво, он раздумал.

В начале весны проныра Кошей выследил-таки его и всем растрезвонил, куда ходит Архангел. Казалось бы, что здесь такого? Может, человек спортивной стрельбой занялся! Но люди, хотя бы раз «отстреленные» Данькой в тире, начинали относиться к нему... С вниманием? С уважением? Было в этом что-то болезненное. Как если бы у него кожа вдруг оказалась с прозеленью.

Или рога выросли.

Ага, ствольную коробку упираем в верстак. Аккуратненько проворачиваем колодку спускового механизма... еще чуть-чуть... Есть щелчок. Штифт вышел. Теперь вынимаем колодку... придерживаем – там пружина ого-го: отпустишь – детали по всей каморке собирать придется! Дальше просто: боевая пружина, поршень, ствол. Заглянуть в цилиндр: нет ли царяпин, проверить прокладки, уплотнения...

Однажды, подходя к тиру, Данька наткнулся на ошивавшихся в парке Жирного с кодой. Вокруг нарезал круги Кошей, старательно делая вид, что он здесь случайно. Жирный за прошедшее время раздался в плечах, заматерел, старая кличка ему больше не подходила. Не Жирный, а Битюг. Даньке он после драки с Артуром покровительствовал. «Тронешь Архангела – по стенке размажу!» – предупредил как-то наглого шпаненка Куцего: тот, будучи не в курсе, решил наехать на Даньку.

– Ну да, тебя осенью в армию загребут, Куцый Архангелу и припомнит! – образовался рядом вездесущий Кошей.

Жирный покосился на сплетника как на досадное недоразумение.

– Архангел этой сопле и сам хлебало начистит, если надо, – веско изрек он.

– А кореши? Кореши Куцего?!

– Вернусь после дембеля, узнаю – всех корешей под асфальт закатаю. Понял?

Благодаря Кощею данное историческое заявление немедленно стало достоянием общественности. На районе докапываться к Даньке перестали: «За него Жирный мазу тянет!»

Хоть какая-то польза от носатого стрикулиста.

Встреча с Жирным и кодлой ничего плохого не сулила. Правда, могут следом увязаться. Не тащить же их всех в тир к дяде Пете? Хотя, собственно, почему нет? Данька давно понял: другие не видят в мишенях знакомые лица, и выстрелы их не имеют судьбоносных последствий. Может, это не тир такой особенный, а он сам, Даниил Архангельский?

Впрочем, одно другому не мешает.

– Привет! Пошли, – он решительно завладел инициативой, – у меня тут тирщик знакомый. Я договорюсь, он пострелять на шару даст.

От дармовой стрельбы никто отказываться не стал. Компания ввалилась в тир, один Кошей топтался в дверях.

– Чего тормозишь? Заходи! – позвал Данька, демонстрируя великодушие. – Народу нету, тир свободен. И винтовок восемь штук: одна будет в запасе. Петр Леонидович!..

«Инструкцию по техническому обслуживанию пневматической винтовки «ИЖ-38» он мог цитировать на память. Разбуди среди ночи – нет проблем. Нравились мудреные словечки: шептало, манжета, ригель, пружина ригеля... Теория – дело хорошее, но на практике манжету пора менять. В ящике хранилась запасная. И прокладку ствола надо перевернуть. Ну, почистить-смазать – это само собой. Винтовка, учит дядя Петя, вроде любимой жены. Должна блеснуть, лосниться и палить без удержу.

Дядя Петя – классный мужик. И тогда он все понял правильно. «Я отработаю», – шепнул было Данька, но старик весело распушил усы: пустяки, мол! Каждому досталось по десять пулек. Данька не спешил: обождал, пока все сделают по паре-тройке выстрелов, и лишь потом начал стрелять сам. Выделяться не хотелось. Убедившись, что мишени сегодня безопасные, без узнаваемых черт, он сбил «мельницу», «паровоз» и «разбойников».

И тут пришел кураж. Он стрелял быстро: целился пару секунд, уверенно давил на спуск, зная, что попадет – в миниатюрное сердечко «шалуньи», в капризную «жирафу», в упрямого «орла». Когда осталась последняя пулька, Данька обнаружил, что стреляет один. Остальные смотрят, как он валит мишень за мишенью.

Девять из девяти. Нужен финал.

Красивая точка в конце.

Он поднял «воздушку» одной рукой. Плавно повел стволом снизу вверх. Поймал на мушку свежеекрашенный, девственно белый кружок «карусели». С этой мишени в свое время все и началось.

Выстрел.

Карусель завертелась, вспыхнули огоньки, заиграла музыка.

– Ну ты снайпер, Архангел! Робин Гуд, блин!

Жирный облизал пересохшие губы и добавил:

– Уважаю.

2

– Я не собираюсь травить вашу собаку, Петр Леонидович.

Госпожа Калинецкая вздохнула с явным сожалением. Правда, к чему оно относилось, понять сложно: то ли к безвинному другу человека, то ли к неосуществленному намерению. Очень хотелось, видать!

– У меня нет собаки, – равнодушно откликнулся старик. Его ладонь с медлительностью, присущей пожилым людям, опустилась в карман пиджака: нового, надетого третий раз в жизни. Опустилась, повозилась самую малость, успокоилась.

Впервые пиджак (серый, чуть приталенный) был водружен на плечи во время примерки, второй раз – меньше недели назад, на честно отпразднованный Новый год. Первоначально задумывался костюм, но в последний момент Петр Леонидович отказался от двусмысленной идеи. Новый костюм в его возрасте – словно намек. Мол, последний, мол, в нем меня и...

Не дождетесь! Во всяком случае, не сегодня.

– Про собаку я не в прямом смысле.

«Буденновские усы» в очередной раз помогли – скрыли уголки губ, дрогнувшие в усмешке. Учитесь держать паузу, мадам Кали!

– В Италии – в Неаполе, например, – местная Коза Ностра...

– Коза Ностра не в Неаполе, Любовь Васильевна. – Пальцы наконец-то нащупали искомое, ухватили, потащили наружу. – Так именуется преступное сообщество на Сицилии, а заодно в Соединенных Штатах Америки. Аналогичная структура в Неаполе называется «Каморра».

На белую скатерть с легким стуком легло чудо техники – затянутый в серебристо-черную кожу органайзер «Kyoshi». Госпожа Калинецкая невольно отпрянула, закусила губу. Не иначе ожидала чего иного. Гранату «РПГ-5», например.

– Мне нужно уточнить свое расписание на сегодня, – светским тоном продолжил старик. – Не возражаете?

«Расписание на сегодня» – выражение, услышанное в американском боевике, – ему чрезвычайно нравилось. В том числе истинным демократизмом. Скажем, у бомжа тоже имеется такое: осмотреть первую помойку, затем – вторую...

Мадам Кали терпеливо ждала, вертя в руках ложечку, которой до того размешивала сахар в чашке с «эспрессо».

Палец лег на нужную кнопку, но Петр Леонидович не стал изучать засветившийся зеленым экран. Жаловаться на память пока не приходилось. Экспромт с органайзером предназначался исключительно для собеседницы. Электронную записную книжку презентовал «глубокоуважаемому господину Кондратьеву» пребывающий ныне «в нетях» Боба – Борис Григорьевич Зинченко – в присутствии ушастой подруги. Укатил бородатый по своим злодейским делам сразу после новогодней гулянки, а «хомячка» бегом на свиданку намылилась – если на современном аргументе формулировать.

«Свиданку» устроили в парке, в пустом по полуденному времени кафе. За плохо вымытыми стеклами окон белели неубранные сугробы, печальная елка свесила вниз успевшие запылиться гирлянды. Над головой дремала тяжелая бронзовая люстра с острыми шипами-шандалами.

– Все расписано. – Старик виновато развел широкими ладонями. – Ваш заказ на сегодня – вне графика. Опять же инфляционные ожидания в связи с грядущим внедрением гривны приводят к неоправданным побочным расходам.

Петр Леонидович давно заметил, как коробят ушастую его витиеватые выражения – посему и злоупотреблял ими в беседах с Калинецкой. Сама она говорила просто, словно дрова рубила.

– Не надо шутить, господин Кондратьев! – Маленький кулачок взметнулся вверх, завис над скатертью. – И намекать не надо. Да, Боба не в курсе нашего с вами разговора. Но это не ваше дело. Есть клиент, есть заказ.

Не ударила. Кулак разжался, ладонь легла на скатерть.

– Выслушать меня, по крайней мере, можете?

Петр Леонидович без особой нужды поглядел на дремлющую люстру, задумчиво перевел взгляд на циферблат древних часов «Победа». С черепашьей скоростью спрятал органайзер. Можем и выслушать. Утро он честно отработал, вновь откроется после обеда, о чем с парковым начальством говорено и договорено. Все остальное... Остальное – тоже после обеда. А «после» – понятие растяжимое.

– Вот!

На стол с легким шелестом легла газета «Спорт-экспресс» за двенадцатое октября прошлого, 1995 года. Экая древность!

– Фото на первой странице.

Теперь следовало бы удивиться. Самая обычная фотография, во всяком случае для «Спорт-экспресса». Футбольный клуб: команда, капитан с воздетым к небу кубком, руководство довольно улыбается...

– В центре. В светлом пиджаке.

Спрашивать, кто именно, старик не стал. Президента и хозяина победоносного клуба не знать было грешно, даже тому, кто никогда не интересовался футболом. Владелец заводов, газет, пароходов...

Вязкую тишину прервал радостный крик магнитофона:

– В Москве гулял когда-то Ленка Пантелеев,
Всегда с улыбочкой и выпивши слегка...

Не иначе местная обслуга спешила потешить эстетические чувства госпожи Калинецкой. Не вовремя. Ушастая резко обернулась, махнула ладонью.

– Среди налетчиков он первым был злодеем —
Его боялись даже люди Губчека...

Обрезало. Любовь Васильевна без особой нужды поглядела на снимок в газете, почесала нос маникюрным коготком.

– Да... Ненавижу, когда перебивают!.. Охрана образцовая, не подойдешь и не подкупишь. Трех заместителей убрали, но с боссом не срастается. Говорят, построил себе бункер в старой угольной шахте – вроде вашего подземелья. Бобе... Борису Григорьевичу он не по зубам. А если не мы его, значит, он – нас. Доступно?

Суетное желание разозлить ушастую возникло давно. До недавнего времени старик честно ему противился.

– Любовь Васильевна, – как можно мягче начал он. – Вы заблуждаетесь, причем очень сильно. Не меньше, чем госпожа Цыганова, чья песня зазвучала так не вовремя. Помянутый ею Пантелеев не совершил ни одного преступления в Белокаменной. Он там даже никогда не был, насколько мне известно. Я, в свою очередь, не являюсь шефом подразделения наемных убийц, именуемых в просторечии «киллерами». Вы обратились не по адресу, заявляю со всей определенностью. Вам нужен некто вроде... Пантелеева. И не надо травить мою собаку!

Их взгляды встретились, и Петр Леонидович вновь, в который раз, ощутил странную, пугающую пустоту. Бесконечное пространство, время, текущее вспять, – и слова, еле различимые, похожие на шелест ветра:

«Ты знаешь, кто я? Я – твой друг...»

Виду не подал – приучился. Ушастая не знает: не может, не должна. Наглая не по чину дамочка, «хомячка», желающая стать тигрицей. Ничего особенного. И незачем бояться.

– Вы себя недооцениваете. И нас – тоже.

Последние слова оказались лишними. Жутковатое очарование сгнуло без следа.

Старик рассмеялся:

– В ГПУ, часом, не служили, сударыня? У них, уверяю, ловчее получалось. Скажите еще:

«Мы знаем о вас все!»

– Я знаю о вас все!

– И на здоровье!

Настроение улучшилось. Петр Леонидович поднес к лицу руку с часами, как если бы был близорук. Кажется, успеваем. Сначала выезд, затем в Киевский райотдел – выручать нашкодившего в очередной раз Не-Короля Артура. Потом...

– Напрасно смеетесь! – Ушастая подалась вперед, скривила ярко накрашенный рот. – Ваше досье я купила год назад. Недорого запросили, той конторе вы давно неинтересны!..

Старик механически отметил новомодное слово «досье». Карамышев, да будет ему скоророда теплой, говорил просто «папка».

– Ваше романтическое детство, Петр Леонидович, мне до лампочки. Доносы о том, что вы троцкист, тайный белогвардеец и внутренний эмигрант, – увы, неактуальны. Военная биография – уже любопытнее...

Смотреть на госпожу Кали в этот миг было не слишком приятно. Вспомнилась сцена из очередного «мыльного» сериала: героиня пред всем честным народом обличает соблаздившего ее усатого мачо. Усы у негодая были, впрочем, так себе – не маршальские.

– Но я не служу в ГПУ. Мне вполне хватит сведений о ваших родственниках. Вы вдовец, но ваш сын, ваша невестка, их дети...

– Не надо, – тихо попросил старик.

Он опять, в который раз, посмотрел вверх, на бесполезную люстру. Взгляд укололся об острую бронзу канделябров.

– Не надо, Любовь Васильевна.

– Заказ! – Ладонь ударила по газетной фотографии. – В недельный срок. Что вы ерепенились, ей-богу? Вы и ваша... каморра занимаетесь этим минимум полвека. Сделаете, получите деньги – и все забудем. Да! Бобе ни слова, иначе наш уговор...

Петр Леонидович глубоко вздохнул. Подумал о Не-Короле. Плох стал бывший сержант, от рук отбилсЯ. Не помощник. Уволить – жалко, не уволить...

Старик закрыл глаза. Нет, только один глаз – левый, словно собрался выстрелить.

Встал, поправил пиджак.

Шаг назад...

Когда шум утих, когда перестала кричать ополоумевшая официантка, Петр Леонидович легким движением ладони стряхнул с рукава невидимые пылинки и поглядел на люстру. Смотреть наверх больше не пришлось – бронзовое чудище покоилось посреди стола. Острия шандалов пробили непрочный пластик, одна из чашек чудом уцелела, попав между креплений, второй повезло меньше.

Любовь Васильевна Калинецкая сидела белая, недвижимая, упираясь застывшим взглядом в стену, недавно покрашенную веселенькой, яичного колера, краской. Кофе из разбитой чашки капал на дорогое, «от кутюр», платье. Не только старик приоделся ради полуденной «свиданки».

– Не надо травить мою собаку, – очень внятно произнес Кондратьев. – Не надо. Собака – друг человека.

Уже за порогом, застегивая старый, не подходящий к новому пиджаку, полушубок, он принял решение. С Артуром придется расстаться без промедлений. С какого возраста по закону разрешают зачислять на работу, пусть не на полный день? Не важно. В любом правиле бывают исключения. Тирмен живет согласно алгоритму «и аз воздам» – тихо, незаметно, под-

ставляя щеку за щекой. Но упомянутые исключения все-таки случаются. Как сегодня, например.

Травить собаку опасно. Будить ее, спящую, тем более.

3

– Все в порядке! Манжету я поменял, прокладку перевернул...

– Сейчас проверим, – кивнул старый тирщик.

В помещении никого не было. Студенты отстрелялись и ушли, Артур тоже куда-то запропастился. Выходили курить вдвоем, а вернулся один дядя Петя. Ага, и опрокидывающиеся мишени на местах стоят. И наружная дверь плотно прикрыта. Как бы не заперта... Точно, заперта!

Зачем?

– Проверим, проверим, сейчас и проверим, – бормотал себе под нос дядя Петя.

Даньке вдруг показалось, что бормочет он не о починенной винтовке, а о чем-то другом, куда более важном. Даже не бормочет, а напевает на мотив скандально известной арии: «Давайте отрежем Маресьеву ноги!...» В школе эта ария пользовалась неизменным успехом. Спросить? Неудобно... Пока он мучился в догадках, Петр Леонидович произвел из «ИЖУхи» три выстрела. По «бумажке». Каждый выстрел тирщик делал разной пульткой: обычной чашечкой, «утяжеленкой» и шариком. Он всегда так проверял винтовки.

Две «десятки» и «девятка».

– Порядок. Толковая работа, Даниил.

Данька просиял, преданно глядя на старика.

– Пневматика – это хорошо, это славно... А как насчет более серьезного ствола?

– А есть?! Можно?!

– Есть. – Дядя Петя прищурился с доброй хитрецой. В уголках глаз старика нарисовалась густая сеть морщинок. – Можно. Иначе б не предлагал. Погоди минуту, я сейчас...

Он ненадолго скрылся в каморке.

– Вот. Самозарядный спортивный пистолет Марголина, калибр 5,6 миллиметра. У этой модели магазин на десять патронов, но заряжать лучше по пять: обойма изношенная, случаются перекосы.

Данька заворуженно уставился на пистолет. Из винтовки-«мелкашки» ему стрелять доводилось: на НВП класс водили в школьный тир лица № 16. А из «Марголина» – ни разу. Удачно он сегодня зашел! Теперь понятно, почему дядя Петя дверь запер.

Чтоб чужие не подсмотрели.

– На, держи.

Тирщик выщелкнул обойму. Передернул затвор, проверяя, нет ли патрона в стволе. Данька был уверен, что подобного безобразия – оставить в стволе патрон! – Петр Леонидович никогда бы не допустил. Но порядок есть порядок.

– Примерься. А я пока дистанцию увеличу. По-взрослому стрелять будем.

Дядя Петя вновь нырнул в подсобку.

Последние слова тирщика Данька пропустил мимо ушей. Потертый, видавший виды пистолет завладел его вниманием. Он покачал оружие на руке, прицелился на пробу. «Марголин» на вес оказался тяжелее, чем на вид. Около килограмма. Несмотря на отжимания, стояние с утюгом «на изготовку» и другие упражнения, которые Данька по указанию старика выполнял целый год, ствол «водило». Самую малость, но для промаха – хватит с лихвой. Он перехватил пистолет двумя руками. Ага, так намного лучше.

Надо с утюгом больше заниматься, не филонить. А пока...

В камерке что-то клацнуло. Загудел непонятно где прятавшийся электромотор. Стена с мишенями, содрогнувшись, поехала прочь от Даньки. На открывшемся участке пола обнаружились блестящие рельсы, по которым стена и катилась. А он еще гадал: отчего тир снаружи длиннее, чем внутри? И если там, за стеной с мишенями, к примеру, есть кладовки, то почему в них не ведет ни одна дверь? Глухо со всех сторон, единственный вход...

– Двадцать пять метров, – сообщил дядя Петя, выкладывая на стойку обойму и коробку с патронами. – Стандартная начальная дистанция. Мишени оставим прежние. Ну-ка, изобрази, чему научился!

И снова почудилось в словах тирщика нечто большее, недосказанное. Подвох, «второе дно», скрытый смысл. Подвох – от дяди Пети?!

Не бывает!

Петр Леонидович внимательно смотрел на мальчишку, как если бы умел читать мысли. Левый глаз тирщик чуть-чуть прикрыл. Лицо его сделалось очень внимательным и чужим. Нет, не чужим – отрешенным.

А руки жили привычной жизнью.

– Патроны в обойму вставляются вот так. Потом – обойму в пистолет. Передергиваешь затвор, и «Марголин» к стрельбе готов. Все запомнил?

– Запомнил, дядя Петя!

– Делай.

Старик выдал пять патронов, и Данька споро вставил их в обойму. Загнал обойму в рукоятку, лихо прихлопнув снизу ладонью. Взглянул на серьезного тирщика, дождался кивка и с удовольствием передернул затвор. Получилось намного лучше, чем у Брюса Уиллиса или Сталлоне.

Теперь бы, стреляя, не опозориться.

– К стрельбе готов!

– Давай!

Данька встал к мишеням правым боком, поднимая пистолет.

Ну-ка, ну-ка, где тут у нас Остап Викторович? Сейчас мы его...

Остап Викторович по прозвищу Басаврюк с сентября вел в школе русскую, верней, давно уже зарубежную литературу, взамен ушедшей на пенсию Тамары Александровны. Требовал отвечать строго по учебнику, слово в слово. За любое отклонение немилосердно снижал баллы. Кромешные зубрилы только радовались: отбарабанил по книжке – живи припеваючи. Пара недель чистого отдыха: Басаврюк вызывал строго по списку.

Зубрежки Данька не любил, но приходилось терпеть. Однако перед Новым годом он сорвался. Проходили Льва Толстого. Сочинения «зеркала русской революции» вызывали зевоту и желание что-нибудь отчебучить. В итоге отчебучил: взял в районной библиотеке «Анну Каренину», выписал ряд цитат, а когда Басаврюк добрался наконец до «великого и могучего языка» Льва Николаевича – вызвался отвечать. Отчеканил абзац из учебника, после чего невинно поинтересовался:

«Остап Викторович, разрешите привести наиболее впечатляющие примеры?»

Басаврюк удивился, но, не подозревая каверзы, дал согласие.

Тут Данька и выдал с наслаждением:

«Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в которое он становился перед женой...» Ага, вот еще: *«...и, вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну»*. Так, дальше: *«Если прикажете, ваше сиятельство, отдельный кабинет сейчас опростается: князь Голицын с дамой!»* И это: *«Уехал! Но чем же кончил он с нею? Неужели он видит ее?»*

На последней фразе класс взорвался хохотом. Басаврюк, красный как помидор, орал про глумление над классиком, но его никто не слушал. В итоге Данька огреб «шайбу» за срыв

урока, а в четверти по зарубежке – гнилой, обидный «уд». Герою сочувствовали, Фофан обещал устроить Басаврюку «конкретное западло», однако Данька и без Фофана знал, как лучше всего поквитаться со зловредным учителем.

...Ну, где же ты, Басаврюк? Покажись!

Ствол пистолета хищно подрагивал. Мишени были непривычно далеко, пришлось всматриваться дольше обычного, прежде чем на них начали проступать лица. На сей раз – не фигуры, не контуры или силуэты, не отметины от пуль, складывающиеся в рисунок. Именно лица. Такое случалось нечасто. А тут еще и лица оказались совершенно незнакомыми.

Данька заморгал.

– Что-то не так? – с участием поинтересовался Петр Леонидович. – Прицел взять не можешь?

– К пистолету не привык, – краснея, соврал Данька. – Лучше я его двумя руками возьму.

– Ты его и так двумя руками держишь. – Тирщик нахмурил густые, косматые брови. – А третьей руки нам господь не дал. Утюг дома работаешь?

– Работаю.

– Мало. Или утюг легкий. Большой палец приברי – отобьет затвором при выстреле.

Данька послушался и палец прибрал. Восстановил дыхание, отбросил со лба прядь волос. В последнее время он стал носить длинные, до плеч, волосы. Как у хиппи или рок-музыканта. Тебе идет, говорила Лерка. А учителя пускай бухтят. Чихал он на их бухтеж. Самый он, что ли, патлатый на всю школу?

Взгляд метался от мишени к мишени. Среди возникших лиц по-прежнему не было ни одного знакомого. Ни одного «плохиша», который заслуживал бы отстрела. Стрелять в первого попавшегося? Нехорошо как-то. «Не по-пацански», – сказал бы Кощей и был бы прав на все сто. Что за пакость?! Куда подевались обычные...

– Передумал? Боишься?

– Не передумал. И ничего я не боюсь!

– Тогда стреляй. Чего ждешь? Прицел такой же, как в пневматике...

В конце концов, с ними ведь ничего страшного не случится? Ну, трубу в квартире провет, или по морде дадут, или начальник разнос устроит... Ерунда. Никто из-за отстрела не умер и даже сильно не заболел. Проверено. А всякая чепуха – она ведь и просто так бывает. Без всякого тира, верно? И никто не виноват.

Лица-мишени смотрели на мальчишку.

Ждали.

А-а, была не была! Если он сейчас откажется, когда еще дядя Петя ему настоящий пистолет даст? Решившись, Данька поймал на мушку какого-то блондина. Длинная, лошадиная физиономия, щеки в прыщах. Наверняка противный тип. Лишняя встряска такому не помешает.

Бах!

Пистолет ощутимо дернулся. По полу зазвенела выброшенная гильза. Да, это куда круче, чем из «воздушки». Впрочем, Данька позорно промазал. Расстояние вдвое больше, пистолет непривычный, а цель ма-а-ахонькая: блондин примостился на «орле», самой трудной мишени в тире. В азарте, уже не думая, что произойдет с блондином и заслуживает ли он отстрела, Данька снова прицелился.

Бах!

Мимо.

Бах!

Осталось два патрона. Он поискал взглядом мишень полегче. Вон, к примеру, «Карлсон». Сегодня Карлсон обзавелся водянистыми глазками с чуть припухшими веками, правильным овалом лица, тонкими стрелками усиков над верхней губой...

Недоумевая, как ему удастся различить эти мелочи с большого расстояния, Данька благополучно промазал и в «Карлсона». Разозлился. Злость помогла собраться: последней пулей он выбил-таки строптивую мишень. «Карлсон» весело завертелся, жужжа пропеллером.

– Ты в курсе, что Марголин, конструктор этого пистолета, был слепым? – спросил дядя Петя, забирая оружие.

– Правда?!

– Нет, «Известия»! Правда, конечно. На ощупь все разрабатывал – детали, узлы, систему затвора... Его в двадцатых ранили, когда банду одну брали. Вот он зрение и потерял...

Данька слушал, раскрыв рот.

Скажи ему кто, что Петр Леонидович был лично знаком с легендарным слепым конструктором, ни на минуту бы не усомнился.

Дядя Петя, он такой.

4

Адмирала Канариса он встретил на трамвайной остановке, возле круга «пятерки». Точнее, его встретили – Канарис ждал за серым кирпичным зданием диспетчерской. Увидел, радостно хмыкнул, шагнул вперед строевым, тряхнул орденами-медалями, криво привинченными к расстегнутому ватнику:

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант запаса!

Гаркнул, замер в строевой стойке. Безумный крик унесся вверх, к низким снежным тучам. Старик остановился, поглядел вокруг. Пусто, трамвай ушел, следующий подойдет минут через семь, не раньше.

– Здравствуй, Андрей. Застегнись, простудишься.

– Так точно! – вновь гаркнул сумасшедший, распутивая воробьев.

Застегиваться, однако, не стал. Подбросил руку к вязаной шапке-«лыжнице», отдавая честь.

– Докладываю – три случая за утро. Показатель средний, типичный для праздников. Советую соблюдать осторожность при переходе улицы ввиду гололеда.

– Спасибо.

– Рад стара...

Не договорил, взмахнул рукой, сбивая «лыжницу» на затылок. Глаза внезапно наполнились болью: живой, разумной.

– Торопишься, старшой? Бумажку прислали: «Артиллеристы, Сталин дал приказ»? Получил с утра пораньше, побежал... Как ты можешь, старшой? Застрелись, правильнее будет, честнее. Прямо здесь, не думая! Лучше так, сразу, чем...

– Ты же знаешь, Андрей. Нельзя.

Петр Леонидович пожалел о сказанном. Нельзя. И говорить вслух о таком – тоже нельзя.

– Андрей...

Но Канарис уже не слышал. Глаза радостно блеснули:

– Там, где пехота не пройдет, где бронепоезд не промчится!..

Из-за черных голых деревьев показалась красная сигара трамвая. Старик с облегчением вздохнул – «пятерка». Слава богу!

– Угрюмый танк не проползет...

Прежде чем шагнуть к остановке, Петр Леонидович нащупал в кармане полушубка тонкий, сложенный вчетверо лист бумаги. Андрей Иванович Канари, бывший старшина авиаполка, не ошибся – утром прислали, еще до будильника. Очередная местная командировка, она же «целевой выезд». Ничего особенного, рутина.

– Там пролетит стальная птица!..

Из всех видов городского транспорта Петр Леонидович предпочитал трамваи, особенно если речь шла о местных командировках. Он не пытался задуматься: отчего? Из-за консерватизма, укоренившегося за долгие годы? Потому, что стальные рельсы проложены удачнее троллейбусных маршрутов? А может, оттого (ассоциация пришла после очередного перечитывания «Графа Монте-Кристо»), что к месту поединка не рекомендуется гнать верхом, тем паче аллюром «три креста»? Толчея метро, густой бензиновый дух автобуса... Макабр! То ли дело полупустой вагон! Можно без проблем присесть у заледенелого окна, прикрыть глаза – и ни о чем не думать.

Увы, правила и в самом деле имеют исключения. Да, трамвай по случаю дневного времени был, словно по заказу, тих и безлюден. Да, улицы отпраздновавшего города на время избавились от пробок и заторов. Да, трамвайное окно оказалось плотно, без единой щелочки, закрытым. Старик привычным движением надвинул старую шапку-пирожок на брови, втянул голову в меховой, траченный молью воротник...

Но – думалось.

А что еще хуже – вспоминалось.

Вначале не давала покоя песня про стальную птицу. В исполнении Адмирала Канариса она лишь пугала воробьев, а вот старшина Канари пел прекрасно – сильным, хорошо поставленным баритоном. Обычно они собирались на 9 мая. Андрей приносил пару бутылок любимого крымского «бастардо». «Под облака летя вперед, снаряды рвутся с диким воем, смотри внимательно, пилот, на землю, вспаханную боем...» На войну старшина не успел – восьмилетним пацаном в 43-м попал в только что созданное Харьковское суворовское. Зато после отслужил по полной законный старшинский «четвертак» – от Чукотки до Венгрии, от Египта до Ямала.

«Пилоту недоступен страх, в глаза он смерти смотрит смело. И, если надо, жизнь отдаст, как отдал капитан Гастелло...»

После трагического случая с Андреем старик (тогда, в 1984-м, так его еще никто не называл) впервые взбунтовался. Это был, конечно, бунт на коленях, но все-таки, как ни крути, протест, несогласие, выражение возмущения. Стать во фрунт перед непосредственным начальством для выражения претензии было невозможно, поэтому он написал рапорт.

Песня про стальную птицу не уходила. Кондратьев попытался вышибить клин клином: «В Москве гулял когда-то Ленька Пантелеев...» Вот ведь придумают! Даже если неведомый сочинитель не удосужился узнать, что Фартовый орудовал исключительно в Питере, к чему приплел Губчека? Столичными грабителями занимался МУР, в крайнем случае – МЧК, у губернской чрезвычайки были иные задачи. С февраля 1922-го в стране действовало ГПУ. Эдак скоро споют «По Куликову полю танки грохотали». Или самолеты. Звено Андрея Канари атакует...

Трамвай честно катил по знакомым улицам, но Петру Леонидовичу казалось, что вагоновожатый тормозит, саботирует, пытается помешать. Тирмен не опаздывает, он, словно Великое Дао, никогда не торопится и всегда успевает.

Экзотическую цитатку про Великое Дао занес в их узкую компанию все тот же Канари. Правда, в исполнении бывшего старшины «Дао» превратилось в «Даму», отчего смысл несколько изменился.

Рапорт старик писал три дня. Не имея возможности отправить его начальству (как горько пошутил кто-то, с равным успехом можно звонить по телефону архангелу Гавриилу), прочел рапорт на заседании «Драй-Эс». Осветил вопрос подбора, подготовки и воспитания кадров. Указал на допущенные ошибки – и, обобщив имеющийся передовой опыт, предложил конструктивное решение.

Сектор распустили через два дня – без всяких объяснений.

Рапорт дошел по назначению.

Именно в 1984-м Петр Леонидович всерьез стал размышлять о преемнике. Кто сменит его в скромной каморке паркового тира? За эти годы было отбраковано несколько кандидатов, и старик подумывал пустить дело на спасительный самотек. В конце концов, Великая Дама всегда приходит вовремя.

Подъезжая к площади Советской Украины, которую он помнил еще Николаевской, Кондратьев сообразил, что придется делать пересадку. Времени оставалось достаточно, но эта сущая мелочь расстроила окончательно. Стоять на продуваемой ветром остановке, то и дело подходя к ледяным рельсам, с нетерпением глядеть в глубь улицы, откуда должен прийти нужный вагон...

Артуру, томящемуся в застенках райотдела милиции, придется поскучать. Сам виноват, если по справедливости. Вчера вышел на работу после недели праздничного загула – и вот, пожалуйста! Все, как всегда, плюс сопротивление стражам порядка. Мелькнула и пропала суетная мысль предоставить инициативу в данном вопросе Великой Даме. «И аз воздам» – ее компетенция.

Не-Короля старик взял в тир исключительно из жалости, а также из живого до сих пор чувства фронтового братства. Из такого не вылепишь тирмена, как ни старайся. Но в последнее время «афганец», годный лишь на скромную роль сменщика-дублера, стал подводить слишком часто.

Трамвай – гремющая, давно не отремонтированная «шестерка» – замер на нужной остановке без двадцати минут два. Две минуты форы, хотя старик рассчитывал на пять. И здесь не слишком повезло.

Идеального места для работы на «целевых выездах» Петру Леонидовичу встречать не приходилось. Он даже слабо представлял, какое оно, идеальное. Полупустое, плохо освещенное кафе, яркие фонари на улице, мертвая тишина – и огромные часы на стене дома напротив? Все эти составляющие в его практике бывали неоднократно, но, как правило, в неудачных сочетаниях. Кафе заполняла шумная толпа, фонари на улице не горели, часы...

Часы, естественно, стояли.

Старик глянул на циферблат верной «Победы», вздохнул, поправил сползший на нос «пирожок», вновь покосился на то, что увидел, сойдя с трамвая. Огромная желтая стена, грязные окна тяжелого толстого стекла, намертво запертая дверь. То ли завод, то ли закрытый проектный «ящик». Потому и часы над входом. А что стоят, так это наверняка из-за режима секретности.

Улица пуста, освещение дневное. Кафе имеется – летнее, засыпанное грязным снегом. Тихо, но тишина неприятная, вязкая.

Эту привокзальную улицу Петр Леонидович не знал. Видеть, конечно, видел, но изучить в качестве предполагаемого места работы, естественно, не догадался. И как догадаться? В полуторамиллионном городе таких мест – не счесть. Узнать заранее, что будет напечатано на тонкой, папиросной бумаге, которую подсовывают под дверь по утрам, шансов нет. И вот, пожалуйста! – изволь стоять на пустой остановке и светиться, как выражались любезные лейтенанту Карамышеву «социально близкие», ясным месяцем. Стоя не поработаешь, а от скамейки на остановке осталось только два металлических огрызка.

Работай, тирмен!

Старик хмыкнул: раз начал ворчать, значит, дело пошло. Скамейка и кафе – ерунда.

Сектор!

Можно и не напоминать. Положенные метры отсчитаны, сознание привычно фиксировало невидимый сектор. Плохо, что отсчитывать приходилось от входа, намертво заколоченного при раннем «застое». Однако иного ориентира не имелось.

Полтора десятка заледенелых ступеней, четыре метра тротуара, улица, трамвайная линия посерединке. Будь это летом, кафе, ныне ждущее под снегом лучших времен, вполне подошло

бы. Ага, одинокий киоск в двадцати шагах от остановки. Окошко открыто. Ничто не мешает взять, допустим, сто грамм «Курвуазье» вкупе с полудюжиной марсельских маслин.

– Светлую «Оболонь», пожалуйста. Да, откройте. И... сухариков – тех, что слева. Да-да.

Мрачная физиономия продавщицы окончательно успокоила, более того, взбодрила. Чужая злость в нужных дозах прибавляет адреналина.

Все прочее оказалось проще простого. Низкий железный заборчик, отделявший от тротуара невидимый под сугробами газон, заменил кресло в кафе. Для пушей убедительности Петр Леонидович подстелил оказавшуюся в кармане полушубка газету. Оставалось хлебнуть пива. Старик поднес к носу горлышко, вдохнул. Нет, пожалуй, не стоит.

Сухариков? Наверное...

Холодная зимняя улица пуста, если не считать скрипящего на повороте трамвая. Пусты заледенелые ступени. Пуст грязный асфальт, до срока – четыре минуты...

Великая Дама никогда не торопится и всегда успевает.

Не спешить, не волноваться, держать бутылку дрянного пива как можно естественнее, не спеша разжевывать соленый сухарик. Налево и направо не смотреть, только вперед, на заледенелые ступени под мертвым циферблатом. Рутинная, местная командировка, «целевой выезд».

Петр Леонидович запоздало пожалел, что всерьез не взялся за Не-Короля год назад, когда тот начал опаздывать на работу, а потом нагло прогуливать. Не надо травить собаку и будить не стоит, а уж резать ей хвост по частям – и вовсе грешно. Артур, несмотря ни на что, нравился старику. Хотя в его годы («его годы» – залитый жарким солнцем белорусский лес 1941-го) тогдашний Петр Кондратьев ничем не походил на нынешнего буйного сменщика.

Такси затормозило без шума, напротив входа. Открылась дверца. Дергаться старик не стал, коситься на часы – тоже. Просто воткнул нецелованную «Оболонь» в твердый, покрытый хрустящим настом снег.

Парень и девушка вышли из машины. Парень и девушка поглядели: он – налево, она – направо. Парень вернулся к машине, наклонился, о чем-то спросил шофера.

Петр Леонидович не смотрел на них. Ступени – полтора десятка заледенелых ступеней, ведущих в никуда, были пусты.

Девушка что-то сказала своему спутнику – громко, сердито. Шагнула вперед, подошла к нижней ступеньке, поглядела на циферблат над головой.

...То ли перепутали адрес, то ли шофер не на ту улицу завез.

Еще полшага.

Парень успел первым – взбежал, перескакивая через обледенелые ступени на самый верх. Оглянувшись, подождал, вновь оглянувшись.

Кто из них – объект сегодняшней командировки? Парень? Девушка? Шофер такси? Продавщица в киоске?

Кто-то в запертом здании?

Петр Леонидович вздохнул и закрыл глаза. Точнее, один глаз – левый, словно собирался выстрелить.

Сейчас все узнаем.

Подсчитано, взвешено...

Когда он встал с заборчика, такси вместе с пассажирами успело благополучно уехать. Пряча газету обратно в карман полушубка, старик представил, как кто-то невидимый и неведомый в эту самую минуту следит за ним, мысленно очертив сектор и готовясь зажмуриться.

Представил, но ни капельки не огорчился.

«Кто я? Я – твой друг...»

5

– Эй! Дантон!

Отец стоял у входа в метро и махал рукой. Складывалось впечатление, что ему чертовски не хочется спускаться вниз, по лестнице, затем по эскалатору, садиться в вагон и ехать туда, куда он собрался. Поэтому, когда на углу остановился трамвай и с подножки соскочил любимый сын Данька, отец просиял от радости.

– Дантон! Я здесь!

В вечном отцовском «Дантоне» сам Данька, в отличие от родителя, ничего остроумного не находил. Прошлой весной он попросил Лерку достать ему книжку про этого Дантона и выяснил много неприятного. Начиная от дурацкого имени Жорж-Жак и заканчивая гильотиной. Физиономия Дантона на портрете в начале книжки смахивала на морду французской бульдожихи Шеры, твари подлой и злопамятной, которую держал сосед, профессор Линько. Короче, бывали дни, когда он понимал маму, подавшую на развод.

– Ну ты даешь! – сказал отец, дождавшись, пока сын перейдет дорогу. – Носишься, как Горец! Тебя что, не учили: сначала посмотри налево, потом – направо?..

– Учили.

Теплилась надежда, что воспитательный разговор закончится, не начавшись.

– Хорошо, что эти, джигиты, притормозили. Они психованные: хоть на красный, хоть под «кирпич»...

– Они всегда притормаживают. Так положено на «зебре».

– Да? Ну, значит, они исключительно при виде тебя тормозят. Если я иду, они, наоборот, на газ давят. Эх, в молодости мы все бессмертные...

Отец решительно не желал уходить с обжитого пятачка перед метро. Врос в заледенелый асфальт, пустил корни. Данька мялся перед ним, слушая о молодости, бессмертии и правилах поведения на проезжей части, невпопад кивал и думал о машинах. Последний год он действительно привык бегать через улицу, не глядя по сторонам. Лихие джипы и «мерины» сбавляли скорость, пропуская бегуна, из-под колес не довелось выскакивать ни разу. Странно, оказывается, это не со всеми. Или у отца просто скверное настроение, вот и ворчит?

– Ты далеко? – спросил он, желая прервать лекцию.

– К Гадюке.

Гадюкой отец звал своего начальника.

Злополучный «Серафим» приказал долго жить, проданный за бесценок. Компаньоны разбежались: неунывающий дядя Лева торговал книгами, сигаретами, радиодетальями, отец же поддался на уговоры отставного таможенника Кобрин и стал коммерческим директором не пойми чего. Первые три месяца сулил «златые горы», купил сыну теплый пуховик с ботинками, а бывшей жене – зонтик и маникюрный набор. Кобрин он к месту и не к месту звал Большим Боссом. Затем на три следующих месяца подарки закончились, Кобрин превратился в «шефа», а «златые горы» – в «чертову каторгу».

Начиная с декабря Большой Босс мутировал в банальную Гадюку. Он прятался, укрываясь новогодними праздниками, как Дед Мороз – в снегах Лапландии, а отец, подавший заявление об увольнении, без особого успеха пытался забрать у него трудовую книжку.

– В офис?

– Домой. Я его адрес вычислил. Офис закрыт, все ушли на фронт. Мне Лева через больших людей узнал, где у Гадюки логово. Попробую отловить...

Большие люди, по мнению Даньки, назывались Горсправкой. Но говорить об этом отцу он не стал. Он просто стоял, смотрел и видел, что отец второй день не брит. Сизая щетина на щеках, подбородке и шее, до самого кадыка. Под глазами набрякли мешки, улыбка выму-

ченная, натужная. Новый год они встречали, как обычно, вдвоем, отец притворялся веселым, сыпал анекдотами, запускал во дворе китайский фейерверк, выпил больше обычного, уговорил маму «дать парню волю», потому что мама не хотела отпускать Даньку гулять за полночь, а под балконом уже орал Санька Белогрив, пел про елочку Слива и многозначительно чихала Лерка...

Все это – щетина, улыбка, анекдоты, фейерверк, Гадюка с его логовом, куранты в телевизоре – вдруг сложилось в один неприятный, кисло пахнувший букет. И торговцы цветами, мерзнувшие напротив с махровыми гвоздиками и окоченевшими розами, были тут совершенно ни при чем.

– Я поеду с тобой, – сказал Данька.

Не предложил, не спросил разрешения, а поставил перед фактом.

Отец обрадовался так, что со стороны это выглядело неприличным. Он хлопал Даньку по плечу, твердил о наследственности и взаимовыручке, фальшиво пел что-то про «мы плечом к плечу у мачты...», а эскалатор уже вез обоих на перрон станции. В поезд пришлось втискиваться силой, между тетенькой в дубленке и кряжистой старухой, бдительно охранявшей свои кошелки, каждая размером с бегемота, – и вот теперь вроде бы настала пора молча пожалеть об опрометчивом решении.

Но вместо сожаления в душе зрело холодное, тихое упрямство.

Данька плохо понимал, зачем отцу позарез нужна трудовая книжка и почему нельзя оформить новую, а про эту заявить, что потерял. Но Гадюка представлялся ему тем мерзким типом из «Горца», который убил Шона Коннори и все время высовывал синий язык, дразнясь.

Они вышли из метро на станции имени маршала Жукова. Обогнув здание гостиницы «Турист» и не доходя до Дворца спорта, углубились в заснеженные, сонные переулки. Скамейки напоминали сугробы. Вороны бродили по целине, оставляя цепочки следов – словно вышивали крестиком. В окнах домов красовались наряженные елки: такие стоят до марта, пока их наконец не выбросят на помойку. Бабушки выгуливали малышню, плотно укутанную в старые пуховые шали. Малышня норовила разбежаться и как следует вывалиться в снег.

– Оренбуржские. – Отец ткнул в ближайшего карапуза пальцем, имея в виду шаль. – Когда-то бешеных денег стоили.

– Угу, – ответил Данька, смутно припоминая, что его самого кутали в мохеровый шарф, который кусался хуже французской бульдожихи Шеры. Наверное, у родителей не было бешеных денег на шаль. Или бабушка не оставила в наследство.

Если верить адресу, с трудом добытому дядей Левой у больших людей, Гадюка жил в панельной девятиэтажке. На двери подъезда установили кодовый замок, дешевый и, к счастью, ныне поломанный. Лифт не работал, на пятый этаж пришлось тащиться пешком. Отец притих и сосредоточенно морщился, нервничая. Его энтузиазм развеялся как дым. Данька топал следом, ведя ладонью по перилам.

В подъезде было жарко и воняло кошками.

Большой Босс, ясно читалось по отцовской спине, с жильем продешевил.

На лестничную площадку выходили четыре двери. Отец позвонил в крайнюю слева, с бронзовым номерком «17», и долго ждал. Из квартиры не доносилось ни звука, но Данька был убежден, что в глазок кто-то смотрит, изучая гостей. Словно в оптический прицел. Ждать надоело, и он уставился на глазок с ненавистью.

– Кто там? – каркнули изнутри.

– Это Архангельский, – заорал в ответ отец, как если бы собеседник отгородился от него бронированной плитой, обитой звуконепроницаемым материалом «Ондуфон». Смешное название тыщу раз повторялось в рекламе и навязло в зубах. – Георгий Яковлевич дома?

За дверью поразмыслили и решили открыть.

– Нету его. – На пороге, загораживая проем, стояла монументальная, еще не старая бабища в халате и с бигудями. – А вам чего?

Наверное, Гадюкина жена, решил Данька.

– Я работал у Георгия Яковлевича... понимаете, мои документы... он обещал...

Отец говорил сбивчиво, долго, никак не решаясь подойти к сути дела. На наезд это походило слабо – скорее, на жалкую просьбу. Пожалуй, не окажись рядом сына, он сразу бы распрощался и убрался восвояси. Но присутствие Даньки требовало если не храбрости, то хотя бы видимости ее. Бабища жевала губы, кривилась, развязывала и по новой затягивала пояс цветастого халата. Спустя минуту она не выдержала, прервав монолог отца:

– Нету Гриши. Уехал.

– А сегодня вернется?

– Он мне не докладывает. Еще вопросы есть? У меня ванна набирается...

Вот эта ванна и добила Даньку. Чугунная ванна, в которую с хлопаньем лилась горячая вода. Он отстранил растерянного отца, вышел вперед и в упор уставился на бабищу. Со зрением творились непонятки. Толстенная хозяйка квартиры номер семнадцать поехала назад, на подставке с роликами, как ложная стенка в тире, – дальше, дальше, еще дальше... Там, в подсвеченной дали, бабища превратилась в игрушку-мишень, наподобие сильно потасканной и раздавленной «Шалуни» с бантом.

Еле слышно заиграла знакомая музыка: тягучая, нервная. Издалека шла усталая флейта, а вокруг приплясывали барабанчики, подгоняя. Тук-тук, ты-ли-тут? Мы идем, братец, мы рядом. Если хочешь, дождись, но потом не жалуйся.

Он не слышал этой музыки со времен монетки, упавшей в старушечью лапку.

– Я таких, как ты... – сообщил Данька далекой бабище, с ужасом понимая, что копирует интонации Жирного. – Знаешь, что я таких, как ты?..

Рядом с мишенью, украшенной смешными бигудями-крохотульками, возникли черные кружочки. Не один, как обычно, а пять-шесть, в два ряда. Данька плотно зажмурил левый глаз, правым всматриваясь в цели.

Со стороны могло показаться: стрелок выбирает, какие поразить в первую очередь.

На верхнем кружочке в центре проклюнулось изображение красного креста, на среднем – тоже. В ушах взвыла и угасла сирена «скорой помощи». Крайний круг выпятился бампером машины, несущейся по встречной полосе. Самый маленький кружок, нависая над бампером, оскалился мордой бешеной собаки.

Что проявилось на остальных, он разглядеть не успел.

– Гри-и... – Бабища сорвалась на визг. – Гри-иша-а-а!

Ее лицо налилось кровью, пальцы истерически вертели концы пояса.

– Гришенька-а-а...а-а...

Из недр квартиры, оттолкнув готовую упасть в обморок бабищу, пулей вылетел лысый коротышка в трусах: широких, семейных, в горошек. Резинка трусов врезалась в дряблый живот, коротышка поминутно ее оттягивал.

– Ну отдам! – взорвался Гришенька, он же Григорий Яковлевич, он же Гадюка, плюясь и танцуя на плитке лестничной площадки. Казалось, ему очень хочется в туалет, а кто-то запретил. – Клянусь здоровьем, отдам! Мама, они тебе угрожали? Угрожали, да?! Как не стыдно, пожилая женщина... из-за какой-то вшивой трудовой... я в милицию обращусь...

Это его мать, оторопело понял Данька. Мать, не жена. А сам Гриша куда моложе отца: лет тридцать, не больше. Какой он Гадюка? – он червяк, скользкий и противный... Бабища вернулась на место из дальней дали, кружочки сгнули, музыка замолчала. Лишь в сердце таял мятный приятный холодок.

– Сейчас отдавай, – сказал Данька. – Немедленно.

И слегка катнул лысого Гришу назад, на роликах, целясь в мягкое пузо.

– Да нет проблем! – с отчаянием выкрикнул Гадюка, пятясь в коридор. На носу у него выступили капельки пота. Данька никогда не видел раньше, чтоб у человека от страха потел нос. – Уже несуд! Мама, выпейте корвалола! У вас сердце, мама!

– А у нас, значит, сердца нет! – вдруг закричал отец, грозя кулаком из-за Данькиного плеча. – Мы без сердца! И без полочки! И без трудовой! Ну да, мы – быдло, нас обуять – святое дело... Трепло ты, Григорий Яковлевич! Сволочь и трепло! У меня связи, у меня все схвачено... За косою хрен у тебя все схвачено!..

Капелька слюны попала Даньке в ухо. Это не было неприятно. Напротив, отец, безобидный и смешной, когда кричал, ругался и тыкал кулаком в воздух, нравился ему куда больше, чем отец, который сулит «золотые горы», хвастается юношескими занятиями боксом и унижается перед Гадюкиной мамашей.

Мамаша, кстати, сгинула, оставив дверь открытой.

Удрала пить корвалол.

6

Чай горчил. И заварен правильно, и настоян должное время, и вода не ржаво-водопроводная – с источника на Павловом поле. А все-таки полное не то.

Старик не без огорчения поставил на стол тяжелый подстаканник, рассудив, что дело в заварничке. Пора менять, хоть и жалко – маленький чайник был куплен в первый день работы Петра Леонидовича в его нынешней должности.

Ветеран!

– Ну, д-дядя Петя! – сидя напротив, ныл Не-Король Артур. – Н-не выгоняй, не надо. Ну, п-пожалуйста!

Обычно бравого и задиристого сержанта было не узнать. Внушительный синяк на левой щеке, забинтованное ухо, тоже левое, царапины на ладони. Ухо понять можно, а царапины откуда? Наряд, не вовремя встреченный по дороге из пивнухи «Три танкиста», имел при себе служебного кота?

Впрочем, загадочные царапины – не главное, и не в них причина. Поначалу, после вызволения из узилища, «афганец» держался бодро, поминал неперемное «педер сухте» и обещал вернуться в райотдел на БМД-1 с полным боекомплектком. Стало ясно: без должного вразумления не обойтись. Что и было исполнено, четко, быстро и результативно. Петр Леонидович отвез сменщика на место работы, налил чая – и объявил, что через две недели можно будет забирать трудовую книжку. Тут-то Артур и скис – всеконечно, до дрожи в голосе и подозрительного сопения носом.

– И к-куда пойду? Христа ради на водку п-просить? Или как т-твой К-канарис народ развлекать? Дядя Петя, б-бес попутал! Нервы у меня, сам знаешь, находит, п-психом ст-тановлюсь. Особенно если гадов в-всяких встречу, уродов. Но я... Я валерьянку пить ст-тану! Зарядку делать! А с бухлом завяжу, ей-б-богу! Н-не выгоняй!..

Петр Леонидович вновь поднес стакан к губам. Странное дело, чай словно образумился. Даже пить приятно. Помиловать заварничек ради такого случая, что ли?

– Зарядка – хорошо, – начал он, понимая, что каждое слово следует подбирать тщательно, будто патроны перед зачетной стрельбой. – И пить бросай, давно пора. Только, Артур Николаевич, не в том дело.

Впервые поименованный в тировых стенах с «ичем», отставной сержант побледнел. Тон был выбран подходящий, прокурору впору.

– Чего ты бузишь? Срываешься почему? А потому, Артур Николаевич, что ты, здоровый мужик, дела на руках не имеешь. Тирщик на полставки – это что, работа? Помнишь, когда я тебя на службу брал, о чем разговор шел? Оклемаешься – серьезным делом займешься. Будем

считать, что нынешний инцидент – удачный повод. Устроиться я помогу. Не пропадешь, сержант, не в окружении.

Не-Король моргнул, схватил стакан и глотнул чая, не почувствовав вкуса. Сделал еще один глоток, поставил стакан, потер бинт, скрывающий пострадавшее ухо.

– Г-гонишь все-таки? Чем я с-серьезным займусь, дядя... П-петр Леонидович? Учиться поздно, г-голова не п-пашет, сам знаешь, д-дырявая она у меня. В охрану не пойду, с-сучья работа. В б-бандюки, что ли? Я чего за место д-держался, п-полы драил и ружья п-подносил? Стрелком хотел стать. Н-настоящим! К-как ты!

Теперь моргать довелось старику.

Артур подался вперед. Опасливо оглянулся, словно даже в этой маленькой каморке могли скрываться злокозненные «педер сухте».

– Н-не сдашь ты меня, дядя П-пе... Петр Леонидович. Не такой т-ты человек. Потому скажу, не п-побоюсь. Знаю я, что ты не просто в т-тире этом п-пенсию высиживаешь. И не в бункере д-дело: что тут т-тир, что там, м-мало разницы. Работа у т-тебя имеется – тайная, с-серьезная. Стрелок т-ты! Не к-киллер – выше, а как выше, и подумать боюсь. А чтобы п-поверил, скажу. Раньше вы, ст-трелки, «крышу» в городском с-совете имели. Отдел б-был, «Драй Эс» назывался. Позже вы на п-полную нелегалку ушли...

Старик дернул губами, надеясь, что густые усы не подведут: спрячут усмешку. *Operta quae fuere, aperta sunt* – если на совсем древнем арго. Все тайное рано или поздно становится явным.

Сектор, официально именовавшийся «Сектором сезонной статистики», они называли по-всякому, даже «Семеро Сукиных Сыновей». «Драй Эс» предложил он сам – в честь популярного чистящего средства. Маленький тюбик с зеленой полосой, «Производство Германской Демократической Республики»... Интересно, что сержант понимает под словом «стрелок»? Так они себя никогда не звали. Значит, о тирменах Артур не слышал.

Что не может не радовать.

– Стрелком стать хочешь, Артур Николаевич? – Старик уставился в стену поверх фотографии Настасьи Кински. – В высшую касту перейти?

– Д-да!

Артур вскочил – и замер, остановленный резким движением ладони.

– Садись, не мельтеши. Если честно, присматривался я к тебе. Но стрелок должен уметь стрелять...

Бывший сержант открыл было рот, но второй резкий жест заставил его прикусить язык.

– Присматривался. Не подойдешь. По здоровью.

Теперь следовало выждать, пока горячий «афганец» не поднимет стул за одну ножку два десятка раз, не предложит отстоять полчаса на голове или не начнет жонглировать пудовой гирей. Если Артур не поверит, дело может дойти до Великой Дамы. Не хотелось бы, жаль парня!

– А теперь слушай, – начал Кондратьев, когда стул вернулся на место. – У тебя черепное ранение, серьезное. Даже в обычной жизни – ничего хорошего, сам говорил. А когда ты начинаешь стрелять... Сказать, что бывает?

В глазах Артура мелькнула странная обреченность, и старик понял: не ошибся. И прежде, не подпуская сменщика к серьезному делу, и теперь.

– Ты целишься, смотришь на мишень, а мишень исчезает. И ты видишь врагов, гадов, уродов, «педер сухте». Так, Артур Николаевич?

Вместо ответа сержант громко охнул. Старик отхлебнул чая и перевел взгляд с улыбающейся Кински на хмурого сосредоточенного Артура, запечатленного неведомым сослуживцем на фоне мрачных скал. «Возле Г-герата», – пояснил сменщик, прикрепляя фотографию к стене.

Петр Леонидович сейчас каялся, что откладывал разговор до последнего.

Жалость – плохой советчик.

– Ты стреляешь в них, убиваешь одного за другим – и тебе становится лучше. Потом, если с этими «сухте» в жизни случается беда, ты начинаешь верить, что это – твоя заслуга. Так? Отвечай!

Тяжелый вздох, нервный хруст пальцев.

– Т-так. Да!

– А ты стреляешь дальше. Мишеней нет, там снова лица. Не враги, не «сухте» поганые – незнакомые, ни в чем не виновные. Ты убиваешь их, и тебе хорошо. Очень хорошо, Артур. Так? А потом... Потом ты вновь начинаешь узнавать в мишенях... Сказать, кого именно?

– Н-нет! Я не хотел... Не с-стрелял!..

– Стрелял! Не ври мне! Стрелял, и с удовольствием!

Отводить взгляд от старых фотографий Петр Леонидович не стал. Смотреть на Артура в этот миг не хотелось.

– Я н-не... Случайно!.. Это т-только мишени, ерунда, жестянки...

Рядом с гератским фото висело другое. Бравый сержант перед дембелем – веселый, довольный жизнью, в сдвинутой на ухо панаме. Не Афган – Средняя Азия, Бухара. Почти дома.

– Только мишени, – машинально повторил старик. – Ерунда и жестянки...

Фотографии стали маленькими, подались назад, словно пытаясь скрыться в густой зелени июньского леса. Но стрелка, берущего прицел, это не смущало. Рука привычным движением взялась за цевье. Выстрел, выстрел, выстрел. Без промедления, без промаха, без пощады...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.